

Ср. по вопросу об источниках Соболевского Лекцій², 11—17 с, Шахматова Курсь (литогр.) 276—334 с., Крымского Укр. гр., гл. II (43 и сл.).

§ 14. При ознакомленіи съ данными украинскіхъ говоровъ см. Потебни, Замѣтки о малорусскомъ нарѣчьи, 1871 г., Михальчука, Нарѣчья, поднарѣчья и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчьями Галичины (VII т. Трудовъ этнографической экспедиціи въ западно-русскій край, 1877 г.), Ogonowski, Studien auf d. Gebiete der ruthenischen Sprache, 1880 г., Соболевскій, Очеркъ русской діалектологіи (Живая Старина, 1892 г.); изъ отдѣльныхъ діалектологическихъ работъ должны быть отмѣнены работы Бреха: Угровское нарѣчіе села Убли, 1899 г., Zum kleinrussischen in Ungarn ASIPh. XVII, 1895 и др.

Изданія памятниковъ и ихъ описанія указаны въ только что отмѣченныхъ трудахъ общаго характера Соболевскаго, Шахматова, Крымскаго; къ нимъ должно прибавить указаніе на новое изданіе Евангелія 1092 г.: „Архангельское Евангеліе 1092 года“ (издано Румянцевскимъ Музеемъ фотоцинкографіей),—ср. Дурново въ Изв. XVIII, кн. 2 и Карскаго Р. Ф. В. 1913 г., кн. 2, 467 с.

Изъ грамматикъ украинскаго языка необходимо отмѣтить: Граматику рускаго языка для школъ середнихъ—Огоновскаго (1889, у Львовѣ), Крымскаго—Украинская грамматика для учениковъ высшихъ классовъ гимназій и семинарій Приднѣпровья (Москва 1907 г.), Тимченка—Українська граматика (Кіевъ 1907 г.), Смалъ—Стоцкаго и Гартнера—Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von Stephan von Smal—Stocky und Theodor Gartner. Wien, 1913.

Изъ словарей украинскаго языка важнѣйшіе—Желеховскаго и Гринченка: Малоруско-німецкий словарь, уложилъ Евгеній Желеховскій I—II Leipzig 1886; Словарь української мови зібрала редакція Журнала „Кіевская Старина“, упорядкував, с додатком власного матеріалу, Борис Грінченко, у Кііві 1907—1909.

Указанія на другіе труды (Потебни, Житецкаго, Миклошича, Крымскаго, Науменко и др.) по украинскому языку грамматическаго и словарнаго характера и отдѣльныя работы по исторіи языка и діалектологіи можно найти въ грамматикѣ Смалъ—Стоцкаго (7—12 с.) и у Шахматова—Энци. сл. фил. 11 вып. 355—360 с.

II. ФОНЕТИКА.

1. Звуковая система украинскаго языка въ ея отношеніи къ украинскому алфавиту.

§ 15. Разнообразіе звуковыхъ оттѣнковъ живой рѣчи никогда не находитъ себѣ достаточно полнаго выраженія въ алфавитѣ, въ обозначеніи звуковъ на письмѣ. Къ этому необходимо прибавить и то, что въ отношеніи звуковыхъ типовъ не можетъ быть полнаго согласія между произношеніемъ людей, живущихъ въ различныхъ мѣстностяхъ,—говорящихъ на различныхъ нарѣчьяхъ или находящихся подъ вліяніемъ этихъ народныхъ нарѣчій.

Наиболѣе видный специалистъ въ области изученія фізіологіи звуковъ словянскихъ языковъ, Брокъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ звуковую систему украинскаго языка, имѣя въ виду такъ называемую „образованную рѣчь“, т. е. рѣчь образованныхъ украинцевъ.

Гласные.

§ 16. Система *гласныхъ* украинской рѣчи находитъ себѣ неполное выраженіе въ знакахъ алфавита: а, е, є, и, і, ї, о, у, ю, я.

Изъ этихъ знаковъ однако буквы е, ю, я, ї имѣютъ болѣе сложное значеніе, чѣмъ обозначеніе гласнаго звука, и въ то-же время буквы эти не имѣютъ въ виду обозначенія какихъ либо иныхъ типовъ гласныхъ, чѣмъ буквы е, у, а, і: буквы е, ю, я, ї обозначаютъ сочетаніе согласнаго j или же неслогового і съ гласными е, у, а, і (*еще, юхт, яблоко, їсти*); или же буквы эти обозначаютъ мягкость предыдущаго согласнаго и гласный (давнѣе, всю, вся).

Буква ї обозначаетъ мягкость предшествующаго согласнаго—і у галичанъ: всі.

Такимъ образомъ, украинское письмо подмѣчаетъ въ рѣчи 6 отдѣльныхъ типовъ гласныхъ. На самомъ же дѣлѣ, по Брокку, можно установить такихъ типовъ не менѣе 11.

Типы эти, какъ принято въ научной фонетикѣ, опредѣляются четырьмя моментами: 1) мѣстомъ подъема спинки языка (звуки передняго, средняго и задняго ряда), 2) высотой подъема (низкіе, средніе по подъему и высокіе), 3) участіемъ губъ (съ округленіемъ ихъ или безъ округленія) и 4) мускульнымъ характеромъ артикуляціи (напряженные или, закрытые и ненапряженные или открытые).

§ 17. Буквамъ а (я), е (є), і (ї), и въ живой рѣчи соотвѣтствуютъ гласные *безъ губнаго округленія*. Гласные эти—слѣдующіе.

I. *Задняго ряда* 1) *средній* по подъему а (буква а).

II. 2) *Средняго ряда*, но *сильно выдвинутаго* впередъ образованія,—на границѣ передняго ряда; подъемъ языка скорѣе *средній*, чѣмъ высокій, образованіе напряженное,—на письмѣ выражается буквой и; акустически звукъ этотъ ближе къ категоріи е, а именно къ е закрытому, чѣмъ къ категоріи і.

III. *Передняго ряда*: 3) *низкій* ненапряженный ä,—таковъ удаляемый гласный между двумя мягкими звуками, выражаемый буквою я, на примѣръ въ словѣ *сплять*; 4) *средній* ненапряженный,—открытое е,—таковъ гласный е въ твердомъ неударяемомъ слогѣ (*метати*) или же подъ удареніемъ въ слогѣ мягкомъ (*день*); тотъ же гласный скрывается подъ буквой я, на примѣръ въ *яйце*—jeice, т. е. на мѣстѣ стараго а въ неударяемомъ положеніи между двумя мягкими звуками; 5) *высокій* ненапряженный, на примѣръ открытое і въ соотвѣтствіи буквѣ е послѣ і (*купеш, что произносится, какъ кури (і) іѣ* съ открытымъ і); 6) *высокій* напряженный,—закрытое і въ *міс, ніс* и т. п. (буквы і; ї).

Относительно 1) Брокъ замѣчаетъ, что гласный этотъ (а) „въ твердомъ слогѣ склоняется вообще къ немного низшему собственному звуку, чѣмъ въ такъ называемомъ нормальномъ, напримѣръ сербскомъ, а,—въ связи съ болѣе низкимъ положеніемъ языкового тѣла“, причемъ собственный звукъ этого гласнаго повышается въ сосѣдствѣ мягкихъ согласныхъ, въ связи съ приближеніемъ артикуляціи къ ряду переднему (напр. въ словѣ *сегодня*).

Относительно 2) буква и въ началѣ слова, въ такихъ случаяхъ, какъ *ила*, *ити* обозначаетъ гласный і, т. е. передняго ряда высокій; также послѣ н, х въ неударяемомъ слогѣ буква и, по Брокъ, произносится, какъ открытое і, т. е. какъ ѣ). Такое же і (ѣ) слышится Брокъ на мѣстѣ буквы і послѣ р (*пріхъ* и т. п.)

§ 18. Буквамъ о, у (ю) въ живой рѣчи соотвѣтствуютъ гласные съ губнымъ округленіемъ, а именно: 7) гласный задняго ряда средняго подъема открытый о, причемъ въ неударяемомъ положеніи, а также въ ударяемомъ передъ мягкимъ согласнымъ задній языкъ лежитъ выше; 8) гласный задняго ряда высокій у, въ однихъ случаяхъ открытый (ненапряженный), въ другихъ—закрытый (напряженный); 9) гласный средняго ряда высокій,—у въ сосѣдствѣ съ мягкими звуками (*знаю*, *молька*); 10) гласный передняго ряда средній (открытый) ѓ,—буква о, напримѣръ въ *йойчати*; 11) гласный передняго ряда высокій ненапряженный—й,—буква ю, напримѣръ въ *тютюнень* = t'üt'ünec'.

§ 19. Въ народныхъ говорахъ, сохранившихъ старый гласный ы, какъ звукъ, отличный отъ и, гласный этотъ—задняго ряда высокій въ однихъ, задняго ряда средній въ другихъ,—безъ губнаго округленія.

Согласные.

§ 20. Для обозначенія согласныхъ украинской рѣчи въ алфавитѣ находимъ слѣдующіе знаки: б, в, г, г', д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, причемъ послѣдній знакъ выражаетъ собственно не одинъ звукъ, а сочетаніе слитнаго согласнаго ч съ предшествующимъ шипящимъ ш.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда должно обозначить согласный мягкій, эта цѣль достигается тѣмъ, что послѣ знака для согласнаго пишется е вм. е, я вм. а, ю вм. у (ї вм. і у галичанъ,—ср. выше, § 16) или же ь (передъ о и въ концѣ слова): давне = davn'e, вся = vs'a, всю = vs'u, кінъ = kin', льон = l'on.

Знакомъ ' въ научной транскрипціи обозначается мягкость согласнаго.

Разсматривая ближе систему украинскихъ согласныхъ, съ точки зрѣнія мѣста и способа ихъ образованія и участія въ нихъ голоса (дрожаніе голосовыхъ связокъ), находимъ слѣдующіе типы звуковыхъ образованій.

§ 21. Губной затворъ и взрывъ (при закрытомъ носовомъ проходѣ) даетъ звонкій (участіе голоса) *b* и глухой *p* (латин. буквы),—на письмѣ *б* и *п*; губно-зубное суженіе образуетъ длительный звонкій *v* (*в*) и глухой *f* (*ф*); при открытомъ носовомъ проходѣ губной затворъ даетъ сонорное *m* (*м*).

Твердымъ *b*, *p*, *v*, *f*, *m* (*б*, *п*, *в*, *ф*, *м*) соответствуютъ въ украинской рѣчи мягкіе *b'*, *p'*, *v'*, *f'*, *m'*, которые образуются подъемомъ языка въ положеніе гласнаго *i* *одновременно* съ губной артикуляціей (*біда*, *віра*, *піна*, *фіга*, *міх*); должно замѣтить, что въ концѣ слова прежняя мягкость губныхъ согласныхъ утрачена (*голуб* вм. *голубь*), а внутри слова передъ гласными широкаго образованія развивается *j* (*і*): *мясо*, *вязала* произносится, какъ *m'iaso*, *v'iazala*; вмѣсто *j* (*і*) можетъ являться другой мягкій согласный: *l'*, *n'* (*сплять* вм. *спять*, *мясо* вм. *мясо*).

Относительно длительного *v* (*в*) можно прибавить, что въ концѣ слова на мѣстѣ его является звукъ чисто-губной, категоріи *ц* (неслоговое *u*): письменное *кров* (вмѣсто стараго *кровь* съ мягкимъ *в*) произносится, какъ *кроц*.

§ 22. Зубной затворъ (при закрытомъ носовомъ проходѣ) представляютъ твердые *d*, *t*, тотъ же затворъ при открытомъ носовомъ проходѣ имѣется въ твердомъ сонорномъ *n*: буквы *д*, *т*, *н*. Согласные эти представляютъ такъ называемое корональное образованіе: затворъ образуется переднимъ краемъ языка, причемъ поверхность языка на большемъ или меньшемъ пространствѣ вогнута; кончикъ языка, по Броку, упирается въ уголъ между верхними рѣзцами и десной,—затворъ одновременно альвеоларный (*у* десны) и зубной.

Въ украинскомъ *що=što* Брокъ слышитъ супрадентальное или даже церебральное *t*: затворъ на задней сторонѣ десны или даже въ передней части нѣба (Очеркъ § 17).

Въ противоположность твердымъ *t*, *d*, *n* палатализованные *t'* *d'* *n'* („мягкіе“ *т*, *д*, *н*) представляютъ дорсальную артикуляцію.

Поверхность языка выпукла; кончикъ языка—за верхними зубами, зона затвора охватываетъ заднюю сторону верхнихъ рѣзцовъ, заднюю десну и передній край твердаго нѣба.

§ 23. Палатальный (передненебный) длительный звонкій *j* не можетъ быть точно разграниченъ отъ *i*, т. е. неслогового *i*; выраженіемъ его на письмѣ служить буква *й*.

§ 24. Язычно-нёбный затворъ представляютъ глухой *k* и звонкій *g*; соответствующіе мягкіе—*k'* и *g'*; на письмѣ разница между твердыми и мягкими *k*, *g* не выражается: буквы *к* и *г*; передъ гласными

задняго ряда (а, о, у) являются твердые k, g т. е. велярные (преграда образуется спинкой корневой части языка о мягкое нёбо); предъ гласными передняго ряда находимъ задне-палатальные k', g' (преграда образуется спинкой языка и задней частью твердаго нёба или даже около границы мягкаго нёба). Примѣры: каша, ганок (k, g), такий, гіше (k', g').

Язычно-небное суженіе представляетъ звукъ ch (x),—глухой, велярный передъ гласными задняго ряда, заднепалатальный (ch') передъ гласными передняго ряда: хата (ch), гріхи (ch').

Соотвѣтствующій глухому ch (x) звонкій,—обозначимъ его знакомъ γ,—встрѣчается сравнительно рѣдко,—на мѣстѣ глухого x подъ вліяніемъ слѣдующаго звонкаго согласнаго (въ тѣсномъ сочетаніи словъ): въ фразѣ «чобіт готових—немаю» слово *готових* произносится, какъ hotoviy.

Тотъ же звукъ, который на письмѣ скрывается подъ буквой г, Брокъ опредѣляетъ, какъ *гортанный* фрикативный h, подобный чешскому h: гарно, гість и т. п.

Звукъ этотъ образуется въ гортани вслѣдствіе тренія струи воздуха о края суженной голосовой щели; обычно h является звонкимъ, хотя категорическаго разграниченія между голоснымъ и безголоснымъ вариантами установить невозможно; Брокъ слышится безголосное h между гласными внутри слова (напр. *сегодня*); при голосномъ вариантѣ треніе образуется въ задней части голосовой щели, а въ передней связочной части образуется голосъ неполнаго образованія. Палатализация при h (для чего необходимъ одновременный съ гортанной артикуляціей подъемъ языка въ положеніе i) въ связи съ образованіемъ этого согласнаго не выступаетъ замѣтно.

§ 25. Звуки l и l': твердое л и палатализованное л (на письмѣ ль, ля, лє, лю, лї),—представляютъ такъ называемую «боковую» артикуляцію языка.

При корональномъ или дорсальномъ затворѣ (ср. выше, § 22) задніе края языка находятся въ положеніи, которое позволяетъ струѣ воздуха выходить по одной или по обѣимъ сторонамъ языкового тѣла за указаннымъ затворомъ.

Твердое л, вогнутое, при корональномъ „зубномъ“ затворѣ (собственно, кончикъ языка упирается о переднюю область свода надъ полостью рта), сосредоточиваетъ массу языкового тѣла скорѣе въ *средней*, чѣмъ въ задней части полости рта.

При великорусскомъ л—въ задней; поэтому украинское л выше по собственному звуку, чѣмъ великорусское.

Палатализованное л (l'), какъ и великорусское „мягкое“ л, по положенію языка, его кончика и области затвора соотвѣтствуетъ пала-

48284h

тализированнымъ t' , d' , n' (ср. выше, § 22), т. е. представляетъ дорсальную артикуляцію съ боковыми отпорами.

§ 26. Сонорный $г$ (буква $р$) представляетъ такъ называемый *раскатистый* звукъ: существенный моментъ звука представляетъ вибрація кончика языка о зубную область; при твердомъ словянскомъ $р$ имѣется вибрація о заднюю сторону десны рѣзцовъ. Мягкого $г$ въ украинскомъ не находимъ: оно измѣнилось или въ твердое $р$ (*косар* вм. *косарь*), или же въ сочетание $гi$ (*буря* = *burja*).

§ 27. Свистящіе s , z ,—глухой s и звонкій z ,—(буквы $с$, $з$) представляютъ суженіе, при которомъ воздушная струя выходитъ по узкому желобку вдоль середины поверхности языка на переднюю десну и передніе рѣзцы; кончикъ языка сгибается слабо, нижній край его касается задней стѣнки нижнихъ зубовъ. При палатализированныхъ s' , z' , обыкновенно, нѣсколько большая часть передняго языка поднимается къ нѣбу (чѣмъ при s , z твердыхъ). Однако, по Броку, въ соотвѣтствіи твердымъ s , z мягкіе варианты въ образованной украинской рѣчи представляютъ уже не чисто-свистящіе согласные, а согласные съ шипящимъ отдѣнкомъ, подобно польскимъ „шепелеватымъ“ s' , z' („дорсальные шипящіе согласные“).

Повидимому, это наблюденіе Брока нужно относить къ галиційской „образованной рѣчи“.

Согласные шипящіе $ш$ (глухой) и $ж$ (звонкій) извѣстны украинской рѣчи лишь, какъ твердые варианты (каналъ для прохода выдыхаемой струи, сравнительно съ каналомъ при s , z ,—болѣе объемистый и образуется далѣе взадѣ).

§ 28. Слитные $с$, $щ$ твердые и палатализированные называются иначе „затворные свистящіе и шипящіе“; форма затвора первой части опредѣляется слѣдующей фрикативной частью ($t+s$ или $t+\check{s}$); украинская рѣчь знаетъ лишь твердый вариантъ слитнаго $щ$ (буква $ч$), но слитный $ц$ является и въ твердомъ, и въ мягкомъ видѣ (*цержва*, *цїлий*).

Вмѣсто мягкого $с'$ Брокъ слышитъ въ „образованной украинской рѣчи“ звукъ съ шепелеватымъ отдѣнкомъ вродѣ польскаго $с'$, т. е. затворный шепелеватый s' (ср. выше о s' , z').

На мѣстѣ $с$ ($ц$) при ассимиляціи слѣдующему звонкому согласному является соотвѣтствующій звонкій слитный $\bar{dz}$.

Въ сочетаніи $щ$ ($шч$), по Броку, часто слышится редукція конечнаго шипящаго элемента всего сочетанія ($шт^m$).

§ 29. Smal-Stocky, Gramm. 30 с., находитъ, что въ основѣ характеристики украинской звуковой системы, которую далъ Брокъ, лежитъ „не общеукраинское произношеніе“, но произношеніе пограничныхъ украинскихъ говоровъ Венгріи.

Затрудняемся рѣшить, насколько этотъ упрекъ справедливъ; замѣтимъ лишь, что Брокъ опредѣленно указываетъ источникъ своихъ наблюденій надъ украинской „образованной рѣчью“: этимъ источникомъ являлся выговоръ д-ра Зилиньскаго, родившагося въ Галиціи, на границѣ говора лемковъ и нарѣчія нижнихъ равнинъ, а образование получившаго въ Пржемысль, среди интеллигенціи съ „нормальнымъ“ произношеніемъ.

Съ другой стороны, остается неясной та реальная подкладка, на которой основана характеристика „общеукраинскаго“ произношенія, которую даетъ самъ Смаль-Стоцкій,—врядъ ли выговоръ галиційскій вполне во всемъ совпадаетъ съ выговоромъ восточно-украинскимъ.

Во всякомъ случаѣ характеристика украинскихъ звуковъ Смаль-Стоцкаго слишкомъ блѣдна и въ части, относящейся къ гласнымъ, не соответствуетъ принятымъ въ наукѣ методамъ описанія. Вообще говоря, новое изслѣдованіе украинской звуковой системы, основанное на изученіи выговора различныхъ мѣстностей, является весьма желательнымъ.

Въ частности отмѣтимъ существенное разногласіе между Броккомъ и Смаль-Стоцкимъ по вопросу о выговорѣ неударяемыхъ о и е: по Брокку неударяемое е въ твердомъ слогѣ представляетъ обычное открытое е зап.-европ. языковъ, а о неударяемое мало разнится отъ ударяемаго (при первомъ подъемѣ нѣсколько выше); по Смаль-Стоцкому,—неударяемое е смѣшивается съ и, а неудар. о—съ у. Возможно, что опредѣленіе Смаль-Стоцкаго болѣе соответствуетъ народному произношенію (ср. Lehr въ R. Sl. VII, 82 с.).

2. Гласные украинскаго языка въ отношеніи къ прарусскимъ гласнымъ.

§ 30. Выше мы охарактеризовали современную систему звуковъ украинскаго языка. Отъ этой описательной характеристики обращаемся къ историческому освѣщенію ея. Начнемъ съ гласныхъ.

Прарусскій языкъ сравнительно мало отличался въ области гласныхъ отъ прасловянскаго языка. Въ немъ были гласные (типы):

а, о, и, е, і, у, (т. е. ы), ѣ (т. е. ѣ), з, ь, какъ и въ прасловянскомъ; вопросъ, были ли въ прарусскомъ носовые гласные, является спорнымъ: Шахматовъ (Очеркъ, § 193) полагаетъ, что носовые гласные потеряны были уже въ эпоху прарусскаго единства, Соболевскій (Лекція ³, 19—20 с.) думаетъ, что въ IX в. носовые гласные въ русскомъ еще существовали и были потеряны въ X вѣкѣ,—а въ X вѣкѣ стараго языковаго единства среди русскихъ говоровъ уже не было.

Во всякомъ случаѣ, если и предполагать для прарусскаго языка носовые гласные, то одинаковая судьба ихъ въ вел.-русскомъ, украинскомъ и бѣлорусскомъ доказываетъ, что прасловянскіе носовые о и е уже въ эпоху прарусскую измѣнились въ носовые и (у) и а, откуда затѣмъ чистые и (у) и а.

Знаками церк.-словянскій азбуки з и ь обозначаются особые гласные прасловянскаго языка, которымъ въ другихъ и.-европ. языкахъ

соотвѣтствуютъ гласные *u* и *i* краткіе; что буквы эти обозначали гласные, показываютъ такія написанія др.-русскія и ц.-слов., какъ *сѣнѣ*, *дѣнь*, *тѣпѣтѣ*.

Гласные эти были редуцированными въ количественномъ отношеніи, т. е. короче краткихъ гласныхъ. Одинаковая судьба этихъ гласныхъ въ в.-р., укр. и б.-русскомъ доказываетъ, что они имѣли во всѣхъ прарусскихъ говорахъ одинъ и тотъ же оттѣнокъ: *yo* и *he*.

Что касается гласнаго *ě* (чешская буква)—церк.-сл. *ћ*, то можно думать, что въ прарусскомъ звукъ этотъ произносился, какъ двугласный *ie*: изъ такого прарусскаго звука легче всего объяснить себѣ различныя отраженія его въ в.-р., укр. и б.-русскомъ: *ie* (сѣв.-укр., сѣв.-в.-р. діал.), *i* (укр., с.-в.-р.), *e* (ю.-в.-р.). Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что, какъ *ie*, произносился этотъ звукъ и въ праславянскомъ; между тѣмъ, напримѣръ, въ др.-ц.-славянскомъ онъ произносился, повидимому, какъ сочетаніе неслогового *e* со слоговымъ *a* или же какъ *ä* (е широкое).

Должно помнить, кромѣ того, что 1) на мѣстѣ праслов. *e* въ началѣ слова въ извѣстныхъ условіяхъ въ прарусскомъ явилось *o*, 2) что на мѣстѣ праслов. сочетаній *or*, *ol*, *er*, *el* между согласными являлись сочетанія *oro*, *olo*, *ere*, *elo*, а на мѣстѣ сочетаній *or*, *ol* въ началѣ слова—сочетанія *ro*, *lo* и *ra*, *la*; 3) что, наконецъ, на мѣстѣ праслов. слоговыхъ *r*, *l* въ прарусскомъ являлись сочетанія *tr*, *tl*, *br*, гдѣ носителемъ слога были гласные *ъ*, *ь* (ср. выше, § 8, III п. 8).

Какія же измѣненія произошли въ этой прарусской системѣ гласныхъ въ украинскомъ языкѣ?

§ 31. Появленіе гласныхъ *u* (*y*) и *a* чистыхъ на мѣстѣ прарусскихъ носовыхъ *u* и *a*,—быть можетъ также уже прарусское, не требуетъ особыхъ поясненій (ср. § 8, п. 5 и § 30).

Редуцированные гласные (подвергшіеся редукціи т. е. сокращенію) *ъ* и *ь* имѣли сходную судьбу во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ томъ смыслѣ, что въ одномъ положеніи они исчезали, а въ другомъ, наоборотъ, усиливались и переходили въ нормально-краткій гласный того или другого качества,—въ укр., в.-р. и б.-русскомъ *ъ* переходило въ *o*, а *ь* въ *e*.

Можно думать, что уже съ самаго начала гласные эти были различны въ различномъ положеніи; раньше всего ослабѣли конечные *ъ* и *ь*, вообще же *ъ* и *ь* были слабыми и обычно неударяемыми въ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ краткимъ или долгимъ гласнымъ, напр. въ формахъ *сѣнѣ*, *пѣсѣ*, *пѣнѣ*, *дѣвѣ*, *дѣнѣ*; наоборотъ, сильными были *ъ* и *ь* передъ слогомъ со слабыми *ъ* и *ь*, напримѣръ въ *сѣнь*, *пѣсь*, *дѣнь*

(первое ъ, ъ—сильное), *шѣвъць* (второе ъ—сильное); слабыми были ъ и ѣ также передъ слогомъ съ сильнымъ ъ или ѣ, напримѣръ первое ъ въ *шѣвъць*.

Слабые ъ, ѣ исчезали во всѣхъ словянскихъ языкахъ, сильные перешли въ гласный нормально-краткій, —въ украинскомъ въ о и е (какъ и въ в.-р. и б.-р.). Такимъ образомъ *снѣа, нѣсѣа, дѣвѣа, дѣнѣа, пѣнѣа* дали *сна, нса, два, дно, нну*, между тѣмъ *снѣгъ, нѣсѣгъ, дѣнь* дали *сон, нес, день* (гдѣ ъ обозначаетъ лишь мягкость н); также правильно *шѣвъць*, гдѣ первое и послѣднее ъ было слабымъ, а среднее сильнымъ, дало *шевиць* (ѣ обозначаетъ мягкость ц), а род. п. шѣвъця (первое ъ сильное, второе—слабое) дало—*шевиця*.

Вопросъ о времени паденія въ украинскомъ редуцированныхъ ъ и ѣ, —ихъ исчезновеніи и переходѣ въ о, е рѣшаются различно. Нѣкоторые изслѣдователи довольно убѣдительно доказываютъ, что случаи пропуска на письмѣ буквъ ъ, ѣ и замѣны ихъ буквами о, е въ древнихъ памятникахъ XI—XII в. в., какъ сѣв.-русскихъ, такъ и южно-русскихъ не характеризуютъ живого произношенія писцовъ, что ъ, ѣ существовали въ языкѣ этихъ писцовъ XI—XII в., какъ живые звуки, —по крайней мѣрѣ до середины XII вѣка.

Ср. Шахматова Очеркъ, 203 с. Крымскій Укр. гр. 130 и сл.; иначе—Соболевскій Лекціи ³ 46 с.

§ 32. Гласные ъ и ѣ въ сочетаніяхъ ѣр, ѣл, ѣр, явившихся на мѣстѣ первоначально слоговыхъ г, л (ср. § 30) измѣнились въ о, е, —независимо отъ того или иного положенія.

Очевидно, въ такихъ сочетаніяхъ ъ, ѣ было всегда сильнымъ: сильнымъ ъ, ѣ было подѣ удареніемъ или въ *закрытомъ* слогѣ, т. е. въ слогѣ на согласный (какъ въ *снѣ, нѣс* по отпаденіи конечнаго ѣ формъ *снѣгъ, нѣсѣгъ*, или какъ въ *шѣв-ця* по выпаденіи ѣ послѣ в); сочетанія ѣр, ѣр, ѣл часто имѣли удареніе на ъ, ѣ, которое раньше было на слоговомъ р, л, или, если не имѣли ударенія на ъ, ѣ, то всегда находились передъ согласнымъ (если получились изъ болѣе древнихъ слоговыхъ г, л), и ъ, ѣ въ этихъ сочетаніяхъ были въ *закрытомъ* слогѣ. Примѣры: *ѣорло* изъ гѣр-ло, *верѣа* изъ вѣр-ба (и вѣрба изъ вѣр-ба), *верѣомъ* изъ вѣр-хѣм и т. п.

§ 33. Если сочетаніе ѣр, ѣр, ѣл между согласными находился передъ слогомъ съ ъ, ѣ слабыми, то, по выпаденіи этихъ послѣднихъ, сочетанія ѣр, ѣр, ѣл, ѣл повидимому, измѣнялись въ украинскомъ (какъ и въ в.-р. и б.-р.) въ ѣръ, ѣрь, ѣль, ѣль, откуда позже получились вторично-полногласныя формы съ *оро, ере, оло, еле, (оле)*: ср. діалектич. украинск.

горон изъ гѣрнѣ, джолонка изъ жѣлнѣка, човен изъ чѣлнѣ (см. выше § 8, прим. къ 9 п.). Такія формы, болѣею частью, вышли изъ употребленія: *горон*, *торог* (изъ *тѣргѣ*) подѣ влияніемъ косвенныхъ падежей (род. горна, торго и т. д.) замѣнились формами *горн*, *торн*.

§ 34. Тѣ же гласные въ сочетаніяхъ *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ* измѣнились въ *о*, *е*, когда были въ положеніи сильныхъ (ср. выше, § 32): *крѣвь* дало *кров* (съ мягкимъ первоначально *в*), *слѣзь* (род. мн. ч.)—въ *слез*. Слабые *ѣ*, *ѣ* послѣ *р*, *л* не исчезли безслѣдно въ украинскомъ, какъ послѣ другихъ согласныхъ: повидимому, ихъ выпаденіе вызывало вначалѣ и внутри слова послѣ согласнаго измѣненіе *р*, *л* въ слоговые, а эти слоговые затѣмъ выдѣляли изъ себя новый гласный, переставая быть слоговыми. Въ большинствѣ говоровъ этотъ новый гласный является послѣ *р*, *л*, но въ нѣкоторыхъ—передъ *р*, *л*: ср. соврем. укр. *кривавий*, *чорнобривий*, *дрижати*, *криха* (кроха), *лигати* и т. п., а съ другой стороны у лемковъ (карп. г.), напримѣръ,—*крававий*, *ирмити*, *слза*, у замишанцевъ (карп. гов.)—*дырва*, *сокирвица* (сукровица); въ началѣ слова: *іrvatи* (рвать), *іржати* (ржать), *ільняний* (льняной).

Такія написанія галицко-волинскихъ памятниковъ, какъ *хр'щахуся* (вм. *кр'щахуся*), *хр'щенъе* Галицкаго Ев. 1144 г., *хр'щенъе* Христинопольскаго апостола XII вѣка, *воскрснѣе*, *квоточива*—Галицкаго Ев. 1283 года, *крве*, *крви* Поликарпова Ев. 1307 г.,—вѣрнѣе всего отражаютъ слоговое *р* изъ *рѣ*, *рѣ*. Въ гал.-волинскомъ Житіи св. Саввы Освященнаго XIII в. находимъ *яблыко*, въ Луцкомъ Ев. XIV в. *скрыжеть*, въ Галицк. гр. 1424 г. *дырва*, въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в.—*ильвовскый*.

То же явленіе находимъ въ белорусскомъ (*дрыжаць*, *крыха*, *блыха* и т. п.) и діалектически—въ ю.-в.-русскомъ (*дрыжить*, *крышить* и т. п.)—ср. Шахматова Очеркъ 238 с.

Аналогія, т. е. влияніе однихъ словъ на другія, обычно того-же корня, разумѣется, измѣнила результаты чисто звуковыхъ измѣненій: подѣ влияніемъ *кров* рядомъ съ *кривавий* явилось *крававий*, рядомъ съ *блѣха* и вмѣсто *слѣза* явилось *блѣха*, *слеза* подѣ влияніемъ *блѣхи*, *слѣзи* (здѣсь *ѣ*, *ѣ* были сильными подѣ удареніемъ).

Что касается такихъ формъ, какъ *Львѣв*, *лѣа*, *рѣа*, *льняний*, гдѣ не находимъ передъ *р*, *л* начальнымъ ожидаемаго новаго гласнаго, то эти формы допускаютъ различное объясненіе: *Львѣв* вм. *Ільвѣв* могло получиться подѣ влияніемъ *лев*, а кромѣ того—*р*, *л* начальные послѣ выпаденія слѣдующаго *ѣ*, *ѣ*, вѣроятно, становились слоговыми, когда были дѣйствительно начальными, т. е. послѣ паузы въ рѣчи; но въ тѣсномъ сочетаніи словъ послѣ гласнаго они оставались неслоговыми (напримѣръ: *або - рѣжа*). Примѣры, параллельные украинскимъ *ільняний*, *іrvatи*, находимъ и въ вел.-русскомъ, и въ б.-русскомъ (ср. Шахматова Очеркъ 234 с.)

§ 35. Извѣстную параллель случаямъ, гдѣ **ъ** и **ь** находились послѣ плавныхъ (сонорныхъ) **р, л** представляютъ такіе, гдѣ эти **ъ** и **ь** стояли за предшествующими носовыми **м, н** и за **в** (также сонорными). Согласные **м, н, в** также могли въ извѣстныхъ условіяхъ становиться слоговыми и выдѣлять изъ себя новый гласный.

Такимъ образомъ, на мѣстѣ стараго **нъ**, **нъ** послѣ согласнаго въ концѣ слова имѣемъ **он** (съ **н** мягкимъ изъ **нъ** и твердымъ изъ **нъ**)— въ *огонь* (изъ *онь*), *сосон* род. мн. (изъ *соснъ*); новое **е** въ *осем* (**ь**) изъ *осьмь* получило долготу нефонетически подъ вліяніемъ *сім* (изъ *сѣмь*), почему и имѣемъ *вісім* (**і** изъ **ѡ**, **ѣ**—см. § 44).

Внутри слова имѣемъ то же явленіе, напримѣръ, въ *сосонка* изъ *сосенка*, каковая форма, впрочемъ, находится въ связи съ формой род. мн. *сосон*. Начальное *мъ* является то въ видѣ *ом*, *ім*, то въ видѣ *м*; начальная группа *мын* всегда является въ видѣ *ми*: *много*, *мну*, *мною*; въ остальныхъ же случаяхъ наблюдается колебаніе: *мгла*, *мла* и *імла*, *імла*, *мжити*—*імжити*, *миедь*—*імиедь*, *мити*—*имити*, также *оми*—*имити*, *омианій*.

Колебание между начальнымъ *м* и *ім*, *ом* объясняется такъ же, какъ и колебаніе между начальнымъ *р* и *ір*,—ср. § 34, прим. Что касается двойственности новаго гласнаго передъ *м* (*оми*—*ими*), то возможно, что первоначально предъ *м* являлось *о*, а *ім*—при *м* явилось по аналогіи колебанія *ір* : *р*.

§ 36. Сочетанія вѣ, вѣ внутри и вѣ концѣ слова *послѣ гласнаго* со слабыми ъ, ь теряютъ эти ъ и ь, приче́мъ в остается звуко́мъ неслоговымъ (у или џ т. е. у неслоговое): правда (праѹда) изъ *пращьда*, дѣвка (дѣѹка) изъ *дѣвѣка*, городѣв (городѣѹ) изъ *городовѣв*. Начальное сочетание вѣ, вѣ является то вѣ видѣ слогового у, то вѣ видѣ неслогового—ѹ, в: *у́се, унѹк, удова́* и *все, вдова, вну́к*; это колебаніе, повидимому, зависѣло отъ положенія начальнаго вѣ, вѣ вѣ рѣчи: послѣ паузы получалось слоговое у (*у́се* и т. п.), послѣ конечнаго гласнаго предыдущаго слова вѣ тѣсно́мъ сочетаніи словъ (*та—в́се, за—в́дову*) было ѹ (у неслоговое) или в: ср. „у́се я, та я“, „зима бѣла, та не їсть снѣгу, а все сѣно“.

По внутренней связи явлений тутъ же укажемъ, что и старый гласный у, если онъ былъ послѣ гласнаго не подъ удареніемъ—переходилъ въ неслоговое ы, в: *навчати, навчитель* и т. п. (но—наўба; науковій—подъ вліяніемъ наука, въ *науціти* также у возстановляется подъ вліяніемъ *учити* и т. п.).

Измѣненіе начальнаго у въ звукъ неслоговой должно понимать также, какъ возникшее въ тѣсномъ сочетаніи словъ послѣ конечнаго гласнаго предыдущаго слова: *та—уже* измѣнилось въ *та—ѹже*, откуда отвлечено *ѡже*.

Внутри слова послѣ согласнаго на мѣстѣ сочетанія въ со слабымъ ъ находимъ сочетание ве: *дверей* род. мн., *дзвеніти*, но возможно, что это е на мѣстѣ ъ непервоначально; въ ф. *дверей* оно могло появиться подѣ вліяніемъ *двѣри*, *двѣрник* и т. п. (е изъ ъ сильнаго), въ *дзвеніти* при *дзвоніти* въ виду чередованія о и е въ другихъ случаяхъ.

Ср. примѣры съ ви на мѣстѣ въ у Шахматова Очеркъ, 228 с. (дзвиніла, дзвинить). Въ Галицкомъ Ев. около 1266 г. находимъ *дѣри*, *дѣрехъ*.

§ 37. Наконецъ, чтобы разсмотрѣть полно вопросъ о судьбѣ звуковъ ъ и ъ въ украинскомъ языкѣ, должно остановиться еще на одномъ особомъ положеніи этихъ гласныхъ: передъ j. Во всѣхъ почти словянскихъ языкахъ ъ и ъ, оставаясь редуцированными по количеству, качественно измѣнялись въ звуки болѣе высокаго подъема у и и (лат. буквы у, і) подѣ вліяніемъ слѣдующаго согласнаго j (или і неслогового); только вел.-русскій не отражаетъ этого измѣненія: въ соотвѣтствіи др.-ц.-слов. мѣи, пѣи (мѣѣ, рѣѣ пов. н.), пол. мѣѣ, рѣѣ, укр. мѣѣ, пѣѣ (у и и совпали въ одномъ звукѣ,—ср. ниже, § 38) въ вел.-русскомъ находимъ *мой*, *пей*, т. е. тѣ же гласные, которые являются на мѣстѣ сильныхъ ъ, ъ, напримѣръ въ *сонъ*, *день*.

Нѣкоторые изслѣдователи въ виду того, что одинъ лишь в.-русскій языкъ указываетъ въ такихъ формахъ на ъ, ъ, предполагаютъ, что старые ъ, ъ передъ j измѣнились въ редуцированные у, і (ы, и) уже въ прасловянскомъ, и что позже эти прасл. редуц. у, і измѣнились уже на русской почвѣ въ извѣстныхъ говорахъ въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ снова въ ъ, ъ. Но столь же возможно, что измѣненіе ъ+ј, ъ+ј въ у+ј, і+ј произошло во всѣхъ другихъ словянскихъ языкахъ и въ большинствѣ прарусскихъ говоровъ независимо.

Редуцированные у, і (ы, и), какъ и ъ, ъ, и въ тѣхъ же условіяхъ, что и послѣдніе, были сильными или слабыми; слабые у, і затѣмъ въ украинскомъ исчезли, а сильные дали краткіе у, і (ы, и),—какъ и въ большинствѣ слов. языковъ.

1) Примѣры исчезновенія слабыхъ у, і (ы, и): п'ю, п'еш, п'е (пью, пьешь, пьетъ), б'ю, б'еш, б'е (бью, бьешь, бьетъ) изъ *rijǫ, *riješī, *rije и т. д. съ редуцированнымъ і (др.-ц.-сл. пѣи-ѣ—пѣи-ѣши—пѣи-ѣтъ и т. д.); зѣлля (зелье) изъ *zelije (др.-ц.-сл. зѣли-ѣ), сеяти (др.-ц.-сл. сѣати), свиня (др.-ц.-сл. свинѣи), ляти (др.-ц.-сл. лиати) и т. д.

2) Примѣры измѣненія сильныхъ редуцированныхъ у, і (ы, и) въ краткіе, причемъ у, і въ большинствѣ украинскихъ говоровъ совпали въ одномъ и: *бий*, *пий*—др.-ц.-сл. бѣи, пѣи, в.-р. бей, пей; *крію*—*кріи*—др.-ц.-сл. крѣи-ѣ—крѣи-ѣши, в.-русс. крѣю-крѣешь; *крій*, *мій*

(повел. н.)=др.-ц.-сл. крѣин, мѣин, в.-р. крой, мой; чий=др.-ц.-сл. чин, в.-р. чей; *новый, синий*=др.-ц.-сл. новѣин, синѣин, сѣв.-в.-р. новой, синей и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на мѣстѣ ожидаемаго *ы*, и находимъ въ украинскомъ *о*, *е*, какъ въ вел.-русскомъ, но случаи эти не представляють чисто-фонетическаго измѣненія сильныхъ редуцир. *ы*, и въ *о*, *е*.

Такъ, въ формахъ *той, сей (цей)* *о*, *е* вм. ожидаемаго *ы*, и явилось подъ вліяніемъ краткихъ формъ *то, се (це)*, въ которыхъ сильное *ъ*, *ь* (подъ удареніемъ) перешло въ *о*, *е* (*тѣ, сѣ*). Въ ф. *горобей* (род. гороб'я, горобѣя) *е*, конечно, явилось вмѣсто стараго и подъ вліяніемъ родственныхъ образованій того же корня—*горобець, горобель*; вліянію ф. *горобей* подчинилось затѣмъ и параллельное *соловий: соловей*.

Неясны причины появленія *е* въ словѣ *иной*—*иною*, причеиъ *е* удерживается и въ косвенныхъ падежахъ; впрочемъ, само слово неясно по своей этимологіи и засвидѣтельствовано не всеми словянскими языками; въ в.-русскомъ Бернекеръ отмѣчаетъ діалектическое *ижен*—*иия*,—ср. въ словинскомъ рядомъ съ *inje* также *imje, im, ivje, iv*, ср. также в.-русс. *ижеватый, ижеватъ*=индевать; * *iven(ь)* изъ * *ivъn* могло существовать и въ украинскомъ, откуда, быть можетъ, *е* въ *иной*.

Неясно, является ли *чий* съ и подъ вліяніемъ *чий*, или же здѣсь должно предполагать вмѣстѣ съ Шахматовымъ (Очеркъ 261 с.) сохраненіе долгаго *і*, какъ въ *течія*.

§ 38. Прарусское *у* (лат. буква) т. е. *ы* до сихъ поръ сохранилось въ нѣкоторыхъ, а именно въ карпатскихъ говорахъ, какъ особый звуковой типъ, но въ большинствѣ украинскихъ говоровъ звукъ этотъ совпалъ съ гласнымъ *и* въ одномъ звукѣ,—ср. объ этомъ въ § 10.

Должно осторожно относиться къ примѣрамъ смѣшенія буквъ *ы* и *и* въ древнѣйшихъ памятникахъ южнорусскаго происхожденія: примѣры эти—или описки, или же перенесены писцомъ изъ южнославянскихъ оригиналовъ. Различіе между *ы* и *и* въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ объясняется, вѣроятно, бѣлорусскимъ вліяніемъ.

§ 39. Прарусскій гласный *ѣ*, т. е. тотъ гласный, который полученъ былъ изъ прасловянскаго *ě* (ѣ), можно думать, представлялъ дифтонгическое сочетаніе *іе* (ср. выше, § 30). Въ такомъ исконномъ видѣ звукъ этотъ является еще и нынѣ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ украинскихъ говорахъ: *лѣс* (лѣсъ), *рѣчка* (рѣчка) и т. п.; въ большинствѣ говоровъ находимъ на мѣстѣ стараго *ѣ* (ѣ) гласный *і* (въ южномъ и въ карпатскомъ нарѣчіяхъ); въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ имѣется *је*, *е*, *е* (ср. выше, § 10).

Болѣе или менѣе вѣрные примѣры *і* на мѣстѣ *ѣ* даютъ памятники XIII—XIV в. Въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ, какъ извѣстно, на мѣстѣ *ѣ*—*е*, но въ нѣкоторыхъ сѣв.—в.—русскихъ говорахъ—*і* и даже дифтонгическое сочетаніе *іе* (тотемскій говоръ).

§ 40. Гласные *i* и *u* (*и* и *у*) въ положеніи послѣ гласнаго становились неслоговыми, образуя съ этимъ гласнымъ цѣльное дифтонгическое сочетаніе; такъ двухсложное *стои* (повел. накл.) измѣнялось въ *стой*, трехсложное *воиско*—въ двухсложное *войско*, 4-сложное *науѣити*—въ 3-сложное *наѣити*, 3-сложное *яице*—въ *йице* (2 слога).

Такое измѣненіе *i*, *u* въ неслоговое имѣло мѣсто лишь въ открытомъ неударяемомъ слогѣ: въ формѣ род. п. мн. ч. *яиць i* (*и*) въ ударяемомъ закрытомъ слогѣ (конечное *ь* отпало, буква *ь* обозначаетъ мягкость согласнаго *ц*) сохраняетъ слоговой характеръ, также остается слоговымъ *u* (*у*) въ открытомъ ударяемомъ слогѣ въ ф. *наѣка*.

Разумѣется, аналогія измѣняетъ результаты звуковыхъ измѣненій; такъ, подъ влияніемъ *наука* рядомъ съ *навѣити* (*наѣити*) является *науѣити* со слоговымъ *u*.

Должно теперь, однако, оговориться, что приведенныя выше формы *стой*, *войско* измѣнились далѣе (въ большинствѣ украинскихъ говоровъ) въ *стій*, *війско*, но объ этомъ ср. ниже, § 44.

Точно также должно замѣтить, что форма *яиць* получила затѣмъ вмѣсто *i* слогового—*e*: *яець*,—подъ влияніемъ такихъ формъ того же склоненія, какъ *крилець* (крыльце: крилѣць=яйце: яѣць).

§ 41. Въ связи съ только что отмѣченнымъ явленіемъ находится измѣненіе въ неслоговые начальныхъ гласныхъ *i*, *u* и даже полная ихъ утрата. Можно думать, что измѣненіе начальныхъ неударяемыхъ *i*, *u* въ неслоговые произошло первоначально именно въ тѣхъ случаяхъ, когда эти гласные фактически находились въ положеніи послѣ гласнаго—въ тѣсномъ сочетаніи словъ: *та—иду* измѣнялось въ *та—йду*, *та—уже*—въ *та—ѣже* (*та—вже*); изъ такихъ сочетаній затѣмъ были отвлечены сознаніемъ говорящихъ *йду*, *вже* и перенесены въ другія условія; въ этихъ иныхъ условіяхъ начальное *й* могло далѣе исчезать вовсе; напримѣръ, *кум—ймае* измѣнялось въ *кум—мае*. Такимъ образомъ мы представляемъ себѣ появленіе въ украинскомъ формъ *гра*, *грати*, *юлка*, *мати*, *з* вмѣсто *игра*, *играти*, *иголка*, *имати*, из (предлогъ) и т. п. Аналогичныя явленія наблюдаемъ въ польскомъ, чешскомъ и др. слов. языкахъ, въ томъ числѣ въ бѣлорусскомъ и въ великорусскихъ говорахъ.

Ср. Шахматовъ, Очеркъ 224—225 с. Объясненіе приведенныхъ фактовъ, которое даетъ Шахматовъ, кажется намъ крайне искусственнымъ. Древность измѣненія начального *i* въ неслоговое доказывается фактами памятниковъ XIV в.: ср. *имамъ* Путевского Ев. (ср. ниже, § 45).

§ 42. Гласный *e* послѣ мягкаго согласнаго передъ твердымъ согласнымъ измѣнялся, повидимому, въ украинскомъ въ очень древнюю эпоху въ звукъ лабиализованный (т. е. съ губнымъ округленіемъ) *ѳ*.

Весьма вѣроятно, что исходный моментъ этого измѣненія относится уже къ прарусской эпохѣ, такъ какъ не только украинскій, но также и вел.-русскій и бѣлорусскій отражаютъ въ своихъ фактахъ то же измѣненіе; можно думать, что съ самаго начала прарусское *е* передъ твердымъ согласнымъ отличалось по характеру артикуляціи отъ *е* передъ мягкимъ.

Въ украинскомъ языкѣ, если имѣть въ виду литературный языкъ и вообще говоры южные, измѣненіе *е* въ *ѳ*, а позже въ *о* отражается лишь въ положеніи послѣ шипящихъ согласныхъ *ж*, *ч*, *ш* и слѣд. также послѣ *щ* (*шч*): ср. *жонá*, *чолó*, *тионó*, *чоловiк*, *щóка*, *вчóра*, *щóблуди*, *жóблудь*, *жолóдок*, *пiджóба*, *бжог*, *чосник*, *чотiри*, *мáмоха*, *пчолá*, (*бжолá*). Мѣсто ударенія при этомъ не играетъ роли.

Важно при этомъ замѣтить, что *о* послѣ шипящихъ является не только на мѣстѣ стараго *е*, какъ въ приведенныхъ случаяхъ, но и на мѣстѣ стараго *ь*, какъ въ—*чóрний*—др.-р. чьрнѣ, *жóрна*—др.-р. *жьрнѣжъ*. Можно думать, что прарусское *ь* передъ твердымъ согласнымъ также было лабиализовано (*ѳ*), и этотъ лабиализованный *ь* въ положеніи сильнаго переходилъ въ *ѳ*, а позже въ *о*.

Особо должно разсматривать такіе случаи, какъ *шовк* изъ *шѳлкъ*, *жóвтий* изъ *жѳлтый*, *жовчъ* изъ *жѳльчъ*, *жовнá* изъ *жѳльна*: вѣдь сочетаніе *ьл* въ прарусскомъ вообще переходило въ *ьл* (ср. выше, § 8), независимо отъ характера слѣдующаго согласнаго.

Въ цѣломъ рядъ словъ мы найдемъ послѣ шипящихъ не *о*, а *е*, но такіе случаи не подрываютъ значенія вышеприведенныхъ примѣровъ: они объясняются или тѣмъ, а) что гласный *е* находится не передъ твердымъ согласнымъ, а передъ мягкимъ или въ концѣ слова, или в) вліяніемъ аналогіи, или же, наконецъ, с) такіе слова являются болѣе поздними заимствованіями.

Къ категоріи а) относятся, напримѣръ, *шелестъ*, *шерсть*, гдѣ мягкая группа *st* поддерживада мягкость *г* (*р*), *женитися*, *чепецъ*, *чемериця*, *щебель*, *пожежа* (*ж* было раньше мягкимъ), *кожемяка*, *чепига*, *ще*, *вже*, *дуже*; къ категоріи в)—*чесати* (подъ вліяніемъ *чешу*, гдѣ *ш* было раньше мягкимъ), *шестий*—изъ *шестый* (подъ вліяніемъ *шести*, *шесть* (*шість*,—ср. ниже, § 45); *хочемо* (подъ вліяніемъ *хочеш*, *хочеть*, *хочете* и *несете*, *везете* и т. п.) Къ категоріи с) относится, напримѣръ, *чѣрга*—очередь, взятое изъ тюркскаго.

§ 43. Приведенные выше факты указываютъ на измѣненіе *е* и *ь* въ *ѳ* и *ѳ*, откуда позже—*о*, лишь въ положеніи за шипящими согласными. Однако другіе факты, факты нѣкоторыхъ народныхъ говоровъ, довольно ясно говорятъ о томъ, что измѣненіе *е* въ *ѳ* и, вѣроятно, *ь* въ *ѳ* носило болѣе общій характеръ,—имѣло мѣсто передъ твердымъ согласнымъ

послѣ всякаго согласнаго, ибо всякій согласный передъ *е*, *ь* былъ въ украинскомъ, какъ и въ в.-р. и б.-русскомъ, искони палатализованъ (ср. ниже, § 51).

Дѣло въ томъ, что гласные *е* и *о* въ извѣстныхъ условіяхъ въ украинскомъ удлинялись, и мы вскорѣ увидимъ, что *ѣ* передъ мягкимъ согласнымъ измѣнялось въ дифтонгъ *іе*, а передъ твердымъ—въ дифтонгъ *ю*, а это послѣднее измѣненіе мы имѣемъ не только послѣ шипящаго, но и послѣ другихъ согласныхъ. Въ то же время *о* давало дифтонгъ *ю* (*уо*): *нос* дало *нѹос*,—*несѣ* (напр. принесть)—*нѹос* (—*нѹос*), но *шесть* дало *шіесть*(ь). Такое измѣненіе *е* въ *ю* было бы невысказуемо, если бы *е* не перешло раньше въ *ѣ* въ *ф*.—*несѣ* и т. п.

Итакъ можно думать, что *е* измѣнялось въ *ѣ* передъ твердымъ согласнымъ всегда, каковъ бы ни былъ предшествующій согласный. И этотъ переходъ—очень древній: онъ предшествовалъ измѣненію *ѣ*, *о* въ дифтонги, о чемъ ср. ниже. Позже однако *ѣ* краткое перешло въ *о* послѣ шипящихъ, вѣроятно въ связи съ раннимъ отвердѣніемъ шипящихъ, но сохранялось и позже вновь перешло въ *е* послѣ остальныхъ согласныхъ. Лабіализованное *ѣ* (вѣроятно, также послѣ всякаго согласнаго передъ слѣдующимъ твердымъ) перешло уже въ XII вѣкѣ въ закрытомъ слогѣ въ *ѣ* послѣ шипящихъ, откуда позже—*о*; послѣ другихъ согласныхъ это *ѣ* дало *е* (ср. *пес* изъ *пѣсѣ*, *лев* изъ *лѣвѣ*), какъ и *весна* дала *вѣсна*, а затѣмъ вновь *весна*, тогда какъ *жена* > *жѣна* > *жена*.

Форма *люду* род. п. отъ *люд* объясняется вліяніемъ аналогіи: она явилась по образцу отношеній *ніс*: *посу* и т. п.; не можетъ быть фонетической также *ф. лон* вм. *лен* (изъ *лѣнѣ*)—ср. *лев*, *пес* и т. п.; *сьомий* при *семий*—подъ вліяніемъ *осмий* (по Стоцкому—подъ вліяніемъ русскимъ); *юю*, *юму*—подъ вліяніемъ *того*, *тому*.

§ 44. Упомянутое при разсмотрѣніи вопроса о переходѣ *е* въ *о* удлиненіе гласныхъ *е* и *о* представляетъ одно изъ наиболѣе характерныхъ явленій украинскаго языка въ области гласныхъ.

Соотношеніе формъ *ніс*, *віз*, *кість*, *сінь*, *ніч* им. п. и *носа*, *воза*, *кости*, *соли*, *ночи* род. п. показываетъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ въ литературномъ украинскомъ языкѣ, какъ и во многихъ народныхъ говорахъ, изъ болѣе древняго звука *о* получилось *і*. Но такой переходъ гласнаго задняго ряда средняго подъема въ гласный передняго ряда высокій безъ дальнѣйшихъ объясненій остается непонятенъ.

Онъ становится яснѣе, какъ только мы обратимъ вниманіе на соотвѣтствующія формы сѣверныхъ говоровъ, гдѣ литературному *і* соотвѣтствуютъ въ такихъ случаяхъ дифтонги *ю* (*ѹ*), *ѹе*, *ѹи* или *ѹѣ*, *ѹі*, *ѹи*, *ѹѣ* (т. е. сочетаніе гласнаго *ѹ* + *і*,—см. объ *ѹ* § 18, подъ 11),

слѣдовательно: кѹонь (кѣнь т. е. конь), двѹер (двѣр т. е. двор), нѹйс, кѹѣнь, стѹил, рѹидный.

Сопоставляя всѣ эти данныя говорѣвъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ извѣстныхъ условіяхъ гласный *о* удлинялся, затѣмъ долгое *о* давало дифтонгъ *ѹо*; диссимиляція первой и второй части дифтонга давала въ результатѣ *ѹе*, *ѹи*; изъ *ѹи* черезъ посредство *ѹі*, *ѹї* получилось, повидимому і современныхъ южныхъ говорѣвъ; такимъ образомъ, различные украинскіе говоры сѣверной группы запечатлѣли различные этапы того сложнаго процесса измѣненій, который пережило *о* въ южныхъ говорѣхъ.

Условіемъ удлиненія *о* въ украинскомъ являлась, повидимому, утрата въ слѣдующемъ слогѣ слогового гласнаго, напримѣръ исчезновеніе слабаго *ъ* или *ь*, или же слабаго редуцированнаго *ы*, *и* (ср. § 37), или измѣненіе слогового *і* въ неслоговой (ср. § 40). Такимъ образомъ, *носъ* измѣнялось въ *нѹс*, *конь* въ *кѹн(ь)*, *солъ* въ *сол(ь)*, *овця* въ *ѹвця*, *олха* въ *ѹл'ха*, *зелье* (съ и редуцированнымъ) въ *зѣл'е* (т. е. *zēl'je*), *мои* (2 слога) въ *мѹй*, *воиско*—въ *ѹѹйско*: ср. укр. литерат. *ніс*, *кінь*, *сіль*, *вівця*, *вільха*, *зілля*, *мій*, *війско*.

Эпоха удлиненія въ указанныхъ условіяхъ опредѣляется легко: оно имѣло мѣсто непосредственно вслѣдъ за паденіемъ редуцированныхъ *ъ* и *ь*; слѣдствіемъ исчезновенія слабыхъ *ъ* и *ь* было, во первыхъ, удлиненіе гласныхъ *о*, *е* предшествующаго слога, во вторыхъ переходъ *ъ*, *ь* сильныхъ предшествующаго слога въ *о*, *е* и въ третьихъ—развитіе новаго гласнаго въ предшествующемъ слогѣ или превращеніе предшествующаго сонорнаго въ слоговой. Одновременно и въ силу однихъ и тѣхъ же причинъ *снъ* измѣнялось въ *сон*, *днь* въ *ден'*, *огнь* въ *он* со слоговымъ *н*, откуда позже—*огонь*, *тѣргъ*—въ *тѣрги* (ср. § 33), а *носъ*—въ *нѹс*. Такимъ образомъ понятно, почему не подлежатъ удлиненію ни *о*, *е* изъ стараго *ъ*, *ь*, ни то *о*, которое вновь развилось въ случаяхъ типа *огонь* (см. § 35). Замѣчательно однако, что второе *о* полногласныхъ формъ *волосъ*, *голосъ*, *порохъ*, *морозъ* и т. п. не подверглось указанному выше удлиненію по отпаденіи конечнаго *ъ*: *волос*, *глас* и т. д. (рѣдкія *воріи*, *поріи*, повидимому, явились по аналогіи *ніс*, *віз* и т. п.). Обстоятельство это какъ будто указываетъ на то, что второе *о* этихъ формъ отличалось первоначально чѣмъ-то отъ *о* въ иныхъ случаяхъ.

Исчезновеніе *ъ*, *ь* слабыхъ и переходъ *ъ*, *ь* сильныхъ въ *о*, *е* относится къ срединѣ XII вѣка (ср. § 31), приблизительно къ той-же эпохѣ относится и удлиненіе *о*, *е*.

§ 45. Несколько сложнѣе исторія удлиненія *е*, хотя удлиненіе это имѣло мѣсто въ тѣхъ же условіяхъ и въ ту-же эпоху, что и удлиненіе *о*. Дѣло въ томъ, что гласный *е* былъ различенъ въ положеніи предъ твердымъ и предъ мягкимъ согласнымъ: вѣроятно, передъ твердымъ согласнымъ онъ былъ гласнымъ *ѳ* (ср. § 42); слѣдовательно, въ однихъ случаяхъ въ результатъ удлиненія получалось *ѳ̄*, въ другихъ—*е̄*: старсе медъ произносилось, вѣроятно, какъ *мѳ̄дъ*, откуда—*мѳ̄д*, тогда какъ реѣ давало рѣѣ. Параллельно развитію *ѳ̄* (см. § 44) *ѳ̄* давало дифтонгъ *ѳо*, затѣмъ *ѳе*, *ѳі* тогда какъ *е̄* измѣнялось въ дифтонгъ *іе̄*; въ самомъ дѣлѣ,—въ сѣверныхъ говорахъ и нынѣ еще находимъ *нѳоос* изъ *несѣ*, *привѳез* изъ *привезѣ*, *нѳоис* (несѣ), *жуѳонка*, *жуѳинка* (сѣ *ѳо*, *ѳі* вм. *ѳо*, *ѳі* вслѣдствіе отвердѣнія *ж*), а съ другой стороны *нѳеч*.

Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ *ѳо* дало въ концѣ концовъ *і*, то же *і* получилось и изъ *ѳо* (*ѳо*), но также и дифтонгъ *іе̄*, какъ изъ стараго *ѣ̄* (*ѣ̄*—см. § 39), такъ и изъ *е̄* далъ въ нихъ *і*. Формы *нѳоос* изъ *несѣ* и *нѳеч* изъ *нечѣ* одинаково дали формы съ *і*: *нѳис* и *нѳич* (съ отверденіемъ *ч*).

Памятники галицко-волинскіе XII—XIII в. отражаютъ удлиненіе *е* послѣдовательной постановкой на мѣстѣ такого долгаго *ѣ̄* буквы *ѣ̄*: *штѣѣ*, *весѣѣѣ*, *боудѣѣѣ камѣѣ* и т. п. : ср. совр. укр. *шіѣѣ*, *весіѣѣѣ*, *каміѣѣ*; что касается формъ вроде *боудѣѣѣ*, *несѣѣѣ*, то въ современномъ языкѣ окончанія—*іѣ̄* не находимъ, такъ какъ оно вытѣснено окончаніемъ *е̄* такихъ формъ, какъ *буде̄*. Интересно въ Путенскомъ Ев. XIV в. *нѣ̄ имамѣ̄*, *нѣ̄ иматѣ̄*, гдѣ *ѣ̄* въ отрицаніи указываетъ на удлиненіе *е̄* вслѣдствіе измѣненія *і* глагольной формы въ неслоговое.

Параллельно презращенію дифтонга въ монофтонгъ въ южныхъ говорахъ, находимъ то же явленіе и въ сѣверныхъ говорахъ: *кунѣ̄*, *нѣ̄чка* (нічка—т. е. *ночка*), *рѣ̄вний* (рівний), *жуѣ̄нка*, *веселе̄*.

Рефлексы удлиненія *о̄*, *е̄* аналогіей переносятся и въ такое положеніе, гдѣ они фонетически не могли возникнуть: *кіѣ̄ок* им. п. вм. *колок*—подъ вліяніемъ *кіѣ̄ка* род. п.—изъ *кѣ̄л(ъ)ка*; *кіѣ̄неѣ̄* вм. *конце̄* подъ вліяніемъ *кіѣ̄нѣ̄* (изъ *кѣ̄нѣ̄*). Съ другой стороны, такое отступленіе, какъ *Бог̄*, объясняется церковнымъ вліяніемъ: ср. *спасѣ̄бі*, *біме̄*, *бі-зѣ̄латѣ̄*, *панбі̄*.

Въ заключеніе замѣтимъ, что освѣщеніе, какое даетъ украинскому *і* изъ *о̄* и *е̄* Смаль-Стоцкій (Gramm. 20), совершенно неправильно,—ср. Lehr R. Sl. VII, 99 и сл.

§ 46. Въ значительной части украинскихъ говоровъ наблюдается въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ, условіяхъ гласный *а* на мѣстѣ исконнаго *е̄*: *зіѣ̄ѣ* вм. древняго *зелиѣ̄*, *каміѣ̄нѣ̄* вм. *каменѣ̄ѣ*, *житѣ̄ѣ* вм. *житиѣ̄ѣ* и т. д.: *бажанѣ̄ѣ*, *піддашѣ̄ѣ*, *кѣ̄лочѣ̄ѣ*, *весіѣ̄ѣ*, *значіѣ̄ѣ*, *волосѣ̄ѣ*, *колосѣ̄ѣ*, *здоров'ѣ̄ѣ*, *насіѣ̄ѣ*, *щастѣ̄ѣ*, *пір'ѣ̄ѣ*, *вістрѣ̄ѣ* и т. п. Во всѣхъ такихъ формахъ *а* на мѣстѣ первоначальнаго *е̄* явилось въ

двухсложномъ сочетаніи *солл. + i + je* съ редуцированнымъ *i* между согласнымъ и *j*, которое затѣмъ выпало. Такъ какъ указанное *a* на мѣстѣ *e* является *только въ одной* грамматической категоріи, а именно въ формѣ им.-в. п. (и тв.) ед. ч. именъ ср. рода на—*ije*, то возникаетъ сомнѣніе относительно самого явленія, какъ чисто звукового измѣненія. Дѣйствительно,—въ то время какъ одни изслѣдователи (Соболевскій, Шахматовъ) рассматриваютъ это явленіе, какъ звуковой процессъ, другіе (Смалъ-Стоцкій Gramm. 269 с.) видятъ во всѣхъ такихъ формахъ процессъ аналогіи,—нефонетическаго перенесенія *a* вм. *e* изъ такихъ формъ ср. рода, какъ *теля, цуя, дитя, щеня* и т. д.

На такое, морфологическое, пониманіе явленія наводитъ и то обстоятельство, что въ различныхъ говорахъ эти формы являются не съ *a*, а съ *e*, причѣмъ и предшествующій согласный можетъ быть двойнымъ или одинарнымъ; такъ, въ восточной части южныхъ говоровъ имѣемъ *зілля, каміння*, въ западной части тѣхъ же говоровъ—въ однихъ *зіля*, въ другихъ *зіле*; въ говорахъ сѣверныхъ—въ однихъ находимъ *весиѣлле*, въ другихъ *весиѣлля*.

Таковы факты. Факты эти, если остановиться на томъ пониманіи явленія, которое считаетъ его чисто звуковымъ, какъ будто бы указываютъ на діалектическій, а не обще—украинскій его характеръ.

И Соболевскій, приводя въ своихъ Лекціяхъ³ (85 с.) изъ древнихъ галицко-волинскихъ памятниковъ такіе примѣры, какъ *умноженья* им.—вин. ед. (Типогр. Ев. № 6), *куролашенья* (Галицк. Ев. ок. 1266 г.), *ослушання* (Житіе Саввы Осв.),—заключаетъ, что „въ части галицко-волинскаго говора перешло въ *a* то *e*, которое звучало послѣ *j* въ формахъ им.-вин. ед. ч. ср. р.“.

Однако несмотря на всѣ затрудненія, которыя встрѣчаются на пути фонетическаго толкованія явленія, мы не рѣшаемся остановиться на морфологическомъ его объясненіи. Возможность вліянія именъ типа *теля* мы не отрицаемъ; точка сближенія между такими именами и именами типа *зілле* была та, что окончанію въ тѣхъ и другихъ предшествовала мягкость согласнаго, чего не было въ *поле, плече, море, крѣльце* и т. п. Но остановиться вполне на морфологическомъ объясненіи мѣшаютъ все же нѣкоторые факты: въ Житіи Саввы Осв. XIII в. наряду съ примѣрами вродѣ *ослушання наше* находимъ также: *Софроньяву чады* (вм. Софроньеву), а въ Лексиконѣ Памвы Берынды XVI в.—форму *лмяться* Зл. ед. ч. (=алється): форма *лмяться* могла получить свое *y* изъ **для*, гдѣ старое *e* (*миѣ*) было въ конечномъ открытомъ слогѣ.

Въ формѣ *лмѣть* *e*, находясь въ закрытомъ слогѣ передъ мягкимъ согласнымъ, должно было удлиниться и дать *іе*.

Въ виду этихъ примѣровъ не исключена возможность, что конечное *е* въ формахъ типа *зілля* получило звуковымъ путемъ, причемъ форма **лля* получила позже *е* подъ вліяніемъ остальныхъ формъ 3 л. ед. ч. (*несе, знае* и т. д.). Если вѣрить формѣ XIII в. *Софроньяву*, то измѣненіе *е* въ *а* имѣло мѣсто и въ срединномъ открытомъ слогѣ.

Условіемъ измѣненія *е* въ *а* въ открытомъ слогѣ могло быть положеніе послѣ новаго двойного мягкаго согласнаго: въ то время какъ согласный передъ *е* въ именахъ *поле, море, плече* уже нѣсколько отвердѣлъ, паденіе *і* редуцированнаго въ формахъ *земле, камене* и т. п. повело къ образованію новой группы согл. + *ј*, которая дала затѣмъ въ силу взаимной ассимиляціи двойной смягченный согласный; въ связи съ этимъ слѣдующее *е* измѣнилось, вѣроятно, въ *ѣ*, затѣмъ въ *а*. Аналогія могла распространить это *а* и на такіе случаи, гдѣ двойного смягченнаго согласнаго не получалось, напр.—*здоров'я*. Мы не видимъ препятствій къ предположенію, что измѣненіе *е* въ *а* охватывало всѣ украинскіе говоры, но часть ихъ позже замѣнила это *а* черезъ *е* подъ вліяніемъ именъ, какъ *поле*.

Шахматовъ (R. Sl. II, 150 с.) опредѣляетъ условіе перехода *е* въ *а* положеніемъ послѣ сочетанія *і* (редуцир.) + *ј*; но *і* редуцир. и *ј* въ *zeli-je* и т. п., конечно, принадлежали разнымъ слогамъ.

§ 47. Въ § 19 было отмѣчено, что въ неударяемомъ *о* языкъ представляетъ болѣе высокій подъемъ, чѣмъ въ ударяемомъ даже въ „образованной рѣчи“; также неударяемое *е* представляетъ звукъ, болѣе высокій, сравнительно съ *е* ударяемымъ. Съ другой стороны, гласный *и* представляетъ звукъ, очень близкій къ гласнымъ передняго ряда и ближе всего къ *е* неударяемому. Эта близость *о* неударяемаго къ гласному типа *и* (*у*), а *е* къ гласному *и* является исходнымъ моментомъ наблюдающагося въ народныхъ говорахъ смѣшенія этихъ артикуляцій. Такъ, въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ украинскіхъ и въ галиційскіхъ говорахъ слышится *убід, чулувік* вм. *обід, чоловік*; въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ можно слышать *ходѣти* т. е. *е* на мѣстѣ *и* ударяемаго, *муї* вм. *мої*. Измѣненіе *и* въ *е* передъ ударяемымъ слогомъ съ *е* имѣемъ въ *сененьке, техеньке*.

Отмѣчаемое нѣкоторыми изслѣдователями (Крымскій, Укр. Гр. 241 с., Smal-Stocky § 25, 86 с.) измѣненіе неударяемаго *о* въ *а* въ рядѣ словъ—передъ слогомъ съ *а*, не можемъ признать украинскимъ звукоизмѣненіемъ въ общемъ значеніи этого слова. Означенное измѣненіе ограничено сравнительно немногими словами: 1) багáто 2) манастир, 3) хазяин, 4) ганчáр 5) гарячій, 6) гарáзд, 7) чабáн, 8) салдáт, 9) качáн, 10) халява, 11) калатати (болтать), 12) кажáн (летучая мышь), 13) катáржний, 14) калáч, 15) галáнци (брючки—голландскіе), 16) вакзал.

Странно, что это „звукоизмѣненіе“ ограничено всего нѣсколькими словами, которые почти всѣ кромѣ 6) и 8) Крымскій называетъ „восточно-малорусскими“,—пбо въ „зап.-малорусскомъ“—богатий, монастыр, кочан, холява и т. д. Характерно притомъ, что изъ этихъ словъ цѣлый рядъ—чужіе, несловянскіе: 2, 3, 7, 8, 13, 15, 16; иныя слова—темнаго происхожденія, какъ холява—халява.

Между тѣмъ мнимый законъ измѣненія о вѣ а передъ слогомъ съ а знаетъ массу исключеній, и именно въ своемъ—словянскомъ матеріалѣ: вода, нога, коса, коза, борода, голова и т. д.

Защитники мнимаго звукового закона, конечно, сошлутся на вліяніе иныхъ формъ тѣхъ же словъ, гдѣ о не было передъ слогомъ съ а; но какимъ же вліяніемъ объяснить, напримѣръ, комар, бодай (въ которомъ врядъ ли чувствуется боі), отава, поросѣ, товариш, отара, лоша—лошати, (лошакъ, лошатко и т. п.), громада, коляда и т. п. ?

Очевидно, звукоизмѣненіе о вѣ а можно понимать лишь въ томъ смыслѣ, что при заимствованіи нѣкоторыхъ словъ изъ того или другого чужого языка восточно-украинскимъ нарѣчіемъ чужое о неударяемое передъ слогомъ съ а воспринималось, какъ а. Въ частности слово *сидат*—явно получено изъ вел.-русскаго.

§ 48. Сдѣланный выше обзоръ украинскихъ измѣненій въ области гласныхъ заключимъ указаніемъ на явленія *стяженія* гласныхъ. Стяженіе это предполагаетъ предварительное исчезновеніе *i* (неслогового *i*) или *j* между двумя гласными и затѣмъ уподобленіе гласныхъ. Такимъ образомъ, форма им.-вин. п. ед. ср. р. *новое* дала *новое* и затѣмъ, въ силу уподобленія и стяженія—*новѣ*; то-же имѣемъ въ формахъ *мого*, *твого*, *свого* изъ *могого*, *твогого*, *свогого*; въ им. п. ед. ч. и вин. ед. ч. ж. р. *нова*, *нову* изъ *новая*, *нову* имѣемъ просто стяженіе по выпаденіи *i* (*j*) двухъ а и двухъ у въ одно. Аналогичныя явленія представляютъ формы *нових* род. мн., *новим* дат. мн., *новими* твор. мн.—изъ *новихъ*, *новимъ*, *новими*; далѣе—*нові* им. мн. изъ *новы* (съ ассимиляціей *и* изъ *вы* въ *ѣ*=*i*), *вчєрашні* им. мн.—изъ *вчєрашнѣ*.

Въ глагольныхъ формахъ наблюдаемъ стяженіе гласныхъ ае въ а въ формѣ 3 л. ед. ч. глаголовъ типа *знати*: *зна*, *чита*, *співа*—рядомъ со старыми формами *знає*, *читає* и т. п.

На сравнительно болѣе позднюю эпоху явленій стяженія указываетъ то обстоятельство, что передъ *i* (=ѣ) изъ стараго—ыѣ являются несмягченными согласные, которые смягчены передъ старымъ *ѣ* (=і): тверді, круті, білі и т. п. (съ несмягченными д, т, л).

3. Чередуваніе гласныхъ.

§ 49. Чередуваніе гласныхъ въ словахъ одного и того же корня, которое находимъ въ украинскомъ, въ своей основѣ представляетъ явленіе глубочайшей старины. Формы этого чередуванія унаслѣдованы были еще прасловянскимъ изъ индо-европейскаго праязыка и переданы прарусскому; но въ этихъ формахъ произошли значительныя измѣненія уже въ прасловянскую эпоху, затѣмъ въ прарусскую и, наконецъ, нѣкоторыя измѣненія произошли уже въ украинскомъ. Эти послѣднія измѣненія—украинскія сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что въ

силу отчасти исчезновения ѣ, ѣ, отчасти перехода ихъ въ о, е получилось новое чередование о:—, е:—(т. е. нуль звука); ср. *сон—сна; день—дня*; далѣе, въ силу удлиненія о, е и перехода долгихъ ѡ, ѣ въ большинство говоровъ въ і, получилось чередование і—о, і—е: ср. *ніс—носа, ніч—печи*; наконецъ, старое чередование и (у): ѣ въ положеніи за плавными (г, л) приняло въ украинскомъ видъ у:и,—ср. *крушити: криха* (изъ *крѣха*,—ср. § 34). Что касается прасловянскаго чередования е:о, то оно во всѣхъ трехъ русскихъ языкахъ приняло видъ а:у (*розпятий: путо*). Въ остальномъ украинскія чередованія гласныхъ отражаютъ прарусскія формы чередованій. Такъ отношеніе словъ *беру: збори* (им. мн. отъ *збір*):*брати* (изъ *брати*):*збираю* отражаетъ прарусское чередование е:о:ѣ:і, гдѣ і есть удлиненіе ѣ. Формы *город: жердь* отражаютъ прарусское чередование ого:ѣг (праслов. ог:г); въ формахъ *розпятий: путо: опона: нну* (изъ *пѣну*):*напинати* имѣемъ прарусск. чередованіе а или аѣ (изъ е): и или ѣ (изъ о): оп:ѣп:іп; въ формахъ *цвисти: цвіт*—прарусс. чередованіе і:ѣ(ѣ); въ *бити: бою* (род. п. ед. ч. отъ *бій—бой*):*б'ю*—прар. чередованіе і:ој:ѣј (б'ю—изъ * бѣјо); въ *дух: тхнути, дохнути: дихати*—прарусс. чередованіе и:ѣ:у(ѣ), такъ какъ *тхнути* и *дохнути* получилось одинаково изъ *дѣхнути*, а *дихати* изъ *дыхати*.

О прасловянскихъ формахъ чередованій въ ихъ отношеніи къ индо-европейскимъ ср. у насъ Др.-п. сл. яз. 3, 81—85 с. Въ прарусскомъ измѣнилось праслов. чередованіе og, ol: eg, el: ѣг(ѣг), ѣл(ѣл): г, л (слоговые г, л) въ чередованіе ого, оло: еге, оло (elo): ѣг(ѣг), ѣл(ѣл) въ силу развитія полногласія и перехода г, л въ ѣг, ѣл (ѣг, ѣл),—ср. § 8.

4. Согласные украинскаго языка въ ихъ отношеніи къ прарусскимъ.

§ 50. На основаніи сопоставленія данныхъ всѣхъ трехъ русскихъ языковъ можно предполагать въ прарусскомъ слѣдующую систему согласныхъ (имѣя въ виду, конечно, общіе звуковые типы).

1. Губные b, p, v, m, твердые и палатализованные: b', p', v', m'.
2. Зубные t, d, s, z твердые и палатализованные t', d', s', z'.
3. Язычно-небные k, g, ch (х) велярные (т. е. мягконебные); j (палатальный).
4. Раскатистое r и боковое l и палатализованные r', l'.
5. Шипящіе š (ш), ž (ж) „мягкіе“ (дорсальнаго образованія).
6. Слитные c, č (ц, ч) также „мягкіе“.

Итакъ, язычно-небные k, g, ch (x), нужно думать, были извѣстны прарусскому языку только въ „твердыхъ“ вариантахъ т. е. какъ велярные; шипящiе š, ž и слитные c, č, наоборотъ,—лишь въ „мягкихъ“ вариантахъ. Согласный j—палатальный по самой своей природѣ. Всѣ остальные согласные (т. е. губные, зубные, плавные r, l) были твердыми или палатализованными, смотря по своему положенію и происхожденію. Они были палатализованы передъ гласными передними: e, i, ъ, ё и передъ тѣмъ а или а̇ (а носовымъ), которое получилось изъ ę (е носового). Согласные n, r, l вообще были палатализованы, когда получились изъ прасл. n', r', l', что изъ—болѣе древнихъ nj, rj, lj, напр. въ *mor'a, *pol'a род. п., l'ubiti, n'imъ твор. ед. Согласные s, z были вообще палатализованы, когда получились изъ болѣе древнихъ ch (x), g (z изъ g черезъ посредство праслов. dz,—ср. § 8, п. 12), напримѣръ въ *vś'a, *kъn'az'a. Согласный l, кромѣ того, былъ палатализованъ, когда получился въ группахъ bl', pl', vl', ml' изъ сочетаній bj, pj, vj, mj, напримѣръ въ *zeml'a, l'ubl'q 1 л. ед. ч., *kupl'q, *lovl'q.

Смягченными были въ прарусскомъ группы šč (шч) и ždž (ждж), получившіяся изъ прасловянскихъ šč, ždž, которыя явились на мѣстѣ болѣе древнихъ st+j, zd+j, а также sk+j, zg+j или же sk, zg предъ мягкими гласными (ср. объ этихъ группахъ ниже, въ § 61).

Теперь выяснимъ, какія измѣненія произошли въ этой системѣ согласныхъ, полученной украинскимъ языкомъ въ наслѣдство отъ прарусскаго: таковы были типы согласныхъ въ украинскомъ, когда онъ представлялъ собою говоръ прарусскаго языка.

§ 51. Прежде всего необходимо отмѣтить измѣненіе *общаго* характера, которое заключается въ томъ, что *всѣ согласные* отвердѣли передъ гласными е и и.

Въ в.-русскомъ и бѣлорусскомъ согласные передъ передними гласными являются, вообще говоря, палатализованными: ср. в.-р. *небо, дитя, тихо, весна, пѣсня* и т. п. Можно думать, что палатализованы они были въ такомъ положеніи первоначально и въ украинскомъ, и что твердость ихъ передъ е, и—вторичная. Иначе полагаетъ Smal-Stocky (Gramm. 48 с.), который видитъ въ твердости согласныхъ передъ е, и въ украинскомъ остатокъ старины прасловянской. Для прасловянскаго мы, конечно, не можемъ предполагать палатализаціи согласныхъ передъ передними гласными, и южно-славянскіе языки до сихъ поръ сохранили твердые согласные въ такомъ положеніи,—ср. напр. серб. *небо, тихо* (съ твердыми н, т) и т. п..

Но украинскіе факты совсѣмъ не идутъ въ параллель южно-славянскимъ. Начать съ того, что въ южно-славянскихъ языкахъ согласные являются твердыми передъ всѣми передними гласными или ихъ болѣе поздними рефlekсами: напр., въ сербскомъ передъ е, і, е (позже е), ѣ (ѣ—въ разныхъ говорахъ = е, і, іе) и передъ ь (позже > а: *дан* = *дын*).

Между тѣмъ въ украинскомъ согласные t, d, s, z, l, n являются палатализованными: 1) передъ рефlekсомъ ѣ (ѣ),—*дід*, *хліб*, *тіло*, *сіно*, *німий*, *зівати* имѣютъ согласные передъ і изъ ѣ (ѣ) „мягкіе“; 2) передъ рефlekсомъ е,—ср. *клятий*, *кота*, *гуся*, *судять*, *грозять*; 3) передъ ь, которое затѣмъ исчезло,—ср. *сінь*, *день*, *часть*, *льва*, *тьма*. Уже это обстоятельство заставляетъ предполагать, что въ древнѣйшую эпоху артикуляція согласныхъ въ украинскомъ приспособлялась къ слѣдующему переднему гласному.

Далѣе,—передъ тѣмъ і, которое получилось изъ ѣ, удлинившася въ закрытомъ слогѣ, согласные палатализованы: *приніс*, *утік*, *зілля*, имѣютъ н, т, з „мягкіе“. Что передъ е согласные когда то были палатализованы, доказываютъ также діалектическія формы вродѣ *принюос*, *принюс*, гдѣ *юо*, *ю* получилось изъ ѣ. Что это смягченіе передъ рефlekсами ѣ—старое, показываютъ формы *ніс*, *дідів* (род. мн.), *тік*, *столів* тѣхъ говоровъ, въ которыхъ согласные передъ і, получившимся изъ ѣ, непалатализованы.

Въ части южныхъ говоровъ согласные вторично палатализовались и въ этомъ послѣднемъ случаѣ,—передъ і изъ ѣ.

Наконецъ, что твердость согласныхъ передъ е, и въ украинскомъ—вторичнаго происхожденія, показываетъ то обстоятельство, что въ немъ являются непалатализованными передъ этими гласными даже исконно-смягченные согласные, полученные такими уже изъ прасловянскаго: l', n' изъ сочетаній lj, nj, с (ц) (ср. § 50): *поле*, *ним*, *нею* твор. ед., *хвалений* прич. страд. з., *вівцєю* твор. ед. при *вівця* им. п. (ср. др.-п.-сл. *полѣ*, *нѣмь*—со значкомъ мягкости надъ н, нѣ-лѣ, хвалѣ-нѣ).

Такимъ образомъ, можно думать, что украинскій получилъ изъ прарусскаго всѣ согласные передъ передними гласными палатализованными (ср. § 50). Можно считать это совпаденіе между в.-русскимъ, украинскимъ и бѣлорусскимъ еще лишнимъ доказательствомъ прарусскаго языкового единства (ср. § 8, гдѣ эта черта не была указана).

§ 52. Теперъ остановимся на отдѣльныхъ категоріяхъ гласныхъ.

Губные согласные отвердѣли въ украинскомъ не только передъ гласными и, е, но и въ другихъ положеніяхъ,—слѣдовательно, палатализованные варианты губныхъ, полученные украинскимъ изъ прарусскаго, замѣнились непалатализованными (ср. § 12). Такъ губной твердый

имѣемъ вм. „мягкаго“ въ концѣ слова передъ ь, затѣмъ отпавшимъ: *кров*, *бров*, *голуб* изъ *крѣвь*, *брѣвь*, *голубь* (ср. *день* и т. п. съ „мягкимъ“ согласнымъ передъ отпавшимъ ь).

Въ иныхъ положеніяхъ вмѣсто прарусскаго палатализованнаго губного согласнаго явилось сочетаніе губной +i или j : *пять* произносится, какъ *pjať*, *сімя*—какъ *simja*, *вязала*—какъ *vjaʒala*. Неслоговой i или j послѣ *м* въ нѣкоторыхъ говорахъ переходитъ въ носовой мягкій *н*: *мясо*, *мяжкий*; въ иныхъ случаяхъ это i (j) замѣняется смягченнымъ l подъ вліяніемъ другихъ формъ: *сплать*—вм. *сп'ять*, т. е. *spjať* подъ вліяніемъ *сплю*, гдѣ группа *pl'*—старая.

Палатализованные губные имѣемъ въ такихъ случаяхъ, какъ *святій*, что произносится, какъ *сѣвѣтій* съ мягкимъ *с*, *цвіт*=*цѣвіт*, *світ*=*сѣвіт*, *смѣх*=*сѣмѣх* и т. п.

Смаль-Стопкій вовсе отрицаетъ существованіе палатализованныхъ согласныхъ въ украинскомъ (Gramm. 45 с.), Брокъ вводитъ ихъ въ систему украинскихъ согласныхъ,—ср. выше, § 21.

Губной *ф* первоначально былъ чуждъ украинской звуковой системѣ, его мы находимъ лишь въ иностранныхъ словахъ: *фалда*, *фарба* и т. п.; причемъ нерѣдко согласный этотъ въ живомъ выговорѣ замѣняется группой *хв*: *хвѣртка*, *Хведір* и т. п.

§ 53. Согласные язычно-нёбные *g*, *k*, *ch* (*г*, *к*, *х*) были получены украинскимъ изъ прарусскаго только въ твердыхъ вариантахъ, т. е. веларной артикуляціи; въ положеніи передъ передними гласными они въ прарусскомъ, а въ древнѣйшую эпоху и въ украинскомъ не встрѣчались, такъ какъ еще въ прасловянскомъ перешли въ такое положеніе въ шипящіе или свистящіе (**bogъ*—**bože*, **duchъ*—**duše*, **bodzě*, *dušě* мѣстн. ед. и т. д.).

Но въ украинскомъ затѣмъ довольно рано согласные *к*, *г*, *х* въ сочетаніяхъ *кы*, *мы*, *хы* измѣнились въ задне-палатальные, въ связи съ чѣмъ измѣнили свою артикуляцію и послѣдующій гласный *ы* еще до общаго его измѣненія и совпаденія съ *и*: написанія *ки*, *ми*, *хи* вм. старыхъ *кы*, *мы*, *хы* находимъ въ галицко-волинскихъ памятникахъ уже XII вѣка.

Въ Галицк. Ев. 1144 г. небесьскімъ, въ Добрил. Ев. никии, вськисе и т. п.—ср. Шахматовъ Очеркъ, 312 с. Въ карпатскихъ говорахъ и нынѣ еще находимъ сочетанія *кы*, *хы*. Въ нѣкоторыхъ говорахъ южнаго и сѣвернаго нарѣчій (галицкихъ, гудульскихъ, нѣкоторыхъ полѣскихъ) вм. *кы*, *хы* старыхъ—*кі*, *хі* съ мягкими *к*, *х*.

Въ эпоху, болѣе позднюю, въ значительной части украинскихъ говоровъ появились заднепалатальные *к*, *г*, *х* вмѣсто веларныхъ вслѣдствіе измѣненія дифтонга (изъ *ѡ*) въ *і*: *кінь*, *кістка* вм. *конь*, *кост(ъ)ка*.

Въ частности относительно звука г слѣдуетъ замѣтить, что изъ взрывного язычно-небнаго, какимъ онъ былъ, вѣроятно, въ прасловянскомъ и въ прарусскомъ, звукъ этотъ превратился въ украинскомъ въ гортанный длительный (ср. выше, § 24), но, вѣроятно, раньше онъ былъ звонкимъ язычно-небнымъ длительнымъ γ: объ этомъ свидѣтельствуесть его переходъ въ х въ концѣ слова въ тѣхъ говорахъ, которые не сохранили звонкихъ конечныхъ согласныхъ: *pi* (рогъ) произносится, какъ *pih*; кромѣ того въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ, по Броку, до сихъ поръ еще произносится „частью велярный фриктивный или же фриктивный гортанный съ остатками велярнаго суженія“.

Очеркъ, 57 с. Въ латинскихъ грамотахъ писанныхъ въ Галиціи въ XIV в. въ большинствѣ случаевъ пишется h. а не g. Измѣненіе г взрывного въ длительный находимъ въ бѣлорусскомъ и въ южныхъ говорахъ великорусскаго.

Въ иностранныхъ словахъ, заимствованныхъ украинскимъ позже перехода стараго взрывного г въ длительный, произносится взрывной г:г (ср. выше, § 24).

§ 54. Сонорный г (р) былъ полученъ украинскимъ изъ прарусскаго не только въ твердомъ, но и въ палатализованномъ вариантѣ, т. е. „мягкимъ“; мягкій р былъ полученъ еще прарусскимъ языкомъ изъ прасловянскаго въ такихъ случаяхъ, какъ **mor'e*, **mor'u*, **mor'a*, гдѣ онъ получился изъ *rj* (*rpj*); въ прарусскомъ языкѣ всякій р палатализовался передъ палатальными гласными.

Но въ украинскомъ р мягкое отвердѣло или же дало сочетаніе *rj* (*p+j* или неслоговое *j*): *косар*, *тепер*, *звѣр*, *іркий*, *тюрма* (р' передъ отпавшимъ ъ), *море*, *рих*,—съ твердымъ р; *буря*, *моря*, *морю*, *ряд* (изъ **reď* съ р передъ е носовымъ), *пире* (изъ **perije*), что произносится какъ *burja*, *morja*, *morju*, *rjad*, *pirje*.

Такимъ образомъ, послѣ р буквы я, ю, є обозначаютъ *ja*, *ju*, *je*, какъ и въ *яблоко*, *юхт*, *еще* (ср. § 16).

Выше (§ 10) было указано, что въ карпатскихъ говорахъ еще сохранилось мягкое р, какъ сохранилось оно въ нѣкоторыхъ говорахъ галицкихъ, лѣвобережныхъ поднѣпровскихъ, гуцульскихъ, буковинскихъ и нѣкоторыхъ сѣверныхъ (въ Черниговской губ.).

§ 55. Согласные зубные *t*, *d*, *n*, свистящіе *s*, *z* и сонорный (боковой) *l* были въ прарусскомъ палатализованы передъ всѣми передними гласными; но *l* и *n* были получены смягченными прарусскимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже изъ прасловянскаго,—а именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они получились изъ сочетаній *lj*, *nj*,—напр. **pol'e*, **pol'a*, **pol'u* **chval'ent*, **gon'ent*, **stn'-im* (=съ нимъ) и т. п.

Также согласные *s, z* были въ прарусскомъ смягченными въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они восходятъ къ прасловянскимъ *s', dz'* изъ болѣе древнихъ *sh* и *g* (ср. § 50), какъ въ *ирѣсь* мѣстн. ед., *вьсь, князь*.

Палатализованные *t', d', n', s', z', l* отвердѣли въ украинскомъ вообще передъ гласными *е, и*, независимо отъ происхожденія (ср. выше, § 51), между тѣмъ какъ въ остальныхъ положеніяхъ они сохранили свою мягкость: ср. *тихо, дитя, девять, теля, небо, низький, леже, лице, село, сив, земля, зима, поле, хваленій, гонений, неи* дат. ед. ж. р., ними тв. мн., *усе* (все) съ твердыми *t, d, n, l, s, z*; а съ другой стороны,—*тіло, діло, німий, лівий, сімя, зівати, весь, всього, всім, вся, всю, князь*, гдѣ мягкость указанныхъ согласныхъ сохранена.

Кромѣ того согласные *с, з* въ украинскомъ являются „мягкими“ въ положеніи предъ нѣкогда смягченнымъ губнымъ: *світ, сьміх, зьвір*; согласный *с* смягченъ въ суффиксѣ—*ьск*: *український, морський, батьківський* и т. п. и въ словѣ *ськати* (*искать виш*); въ образованіяхъ съ суффиксомъ—*ьск*—мягкость *с* явилась, вѣроятно, подъ вліяніемъ образованій съ суффиксами *-енько, -енька, -онько, -есенький* и т. п. (ср. Smal-Stockuj Gramm. 110 с.), а въ словѣ *ськати*—*с* смягчился подъ вліяніемъ *j*, затѣмъ отпавшаго,—передъ *с*: *йскати* изъ *искати*.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ южнаго нарѣчія (восточныхъ и гуцульскихъ) вмѣсто твердаго *t* имѣется среднее, полумягкое. Согласные палатализованные *t', d'* въ нѣкоторыхъ говорахъ измѣнились въ „мягкіе“ *k', ġ'* (въ нѣкоторыхъ галицкихъ, гуцульскихъ, карпатскихъ говорахъ).

§ 56. Сонорное *l*, кромѣ отмѣченнаго только что отвердѣнія его передъ *е, и*, испытало еще одно измѣненіе: въ концѣ слога, т. е. внутри слова передъ согласнымъ и въ концѣ слова оно перешло въ *ц*, т. е. въ неслоговое *у* (в): *дав* (вм. далъ), *бив* (билъ), *чув* (чулъ), *терпів* (терпѣлъ), *вовк* (волкъ), *довбати* (долбать), *повний* (полный), *жовтий* (желтый), *жовна* (желна), *човна* (челна) и т. п.; по аналогіи косвенныхъ падежей (*човна* и т. д.) в в. л. явилось и внѣ указанныхъ условій въ формѣ им. п. *човен*.

Этого измѣненія не находимъ въ *стіл* (столъ), *віл* (воль), *козел, осел, вузол, носол, щигол, поніл* и т. п. Вѣроятно, замѣненіе *l* въ *ц* въ указанномъ положеніи было ограничено первоначально какимъ либо добавочнымъ условіемъ: напр. положеніемъ послѣ *о, и* (*у*); слѣд. было предположительно: *щуц*, но *дац, біц, стоц*, но *козѣ*; подъ вліяніемъ формы прич. прош. склоняемой *дав*—(давѣша род. п.), *бив*—обобщилась форма съ *ц* (в) въ причастіяхъ на *ї*; наоборотъ,—подъ вліяніемъ отношеній *козѣ*—*коз(ь)ла* и т. п. вмѣсто *стѣц*—*стола* явилось *стѣл*: *стола* (позже *стіл*—стола).

§ 57. Согласные шипящіе *š, ž* (*ш, ж*) и слитные *šč, с* (*ч, ц*) были первоначально „мягкими“ въ силу своего происхожденія: *š, ž* явились

въ прасловянскомъ изъ сочетаній sj, zj и изъ chj, gj, (j-палатальный), а также изъ sh, g въ положеніи передъ гласными палатальными, т. е. подъ ихъ вліяніемъ; Ѣ въ прарусскомъ явилось кромѣ того изъ сочетанія dj; слитные ѣ, с получились изъ k + j (ѣ) или изъ k подъ вліяніемъ послѣдующаго или предыдущаго палатальнаго гласнаго. „Мягкими“ эти согласные были, вѣроятно, въ прарусскомъ и такими же были получены изъ прарусскаго украинскимъ.

На украинской же почвѣ согласные эти имѣли неодинаковую судьбу: ш, ж, ч (если оставить въ сторонѣ нѣкоторые говоры, напримѣръ, гуцульскіе), отвердѣли вообще говоря: *рожа*, *рожі* род. ед., *рожу* вин. ед., *рожсю* твор. ед.; *душа*, *душу* вин., *часть*, *ніч* (ночь), *ночи* род. ед., *свѣчка* и т. п. Наоборотъ,—согласный ц, вообще говоря, сохранилъ свою исконную мягкость, отвердѣвъ лишь передъ гласными е, и, подобно вѣмъ другимъ согласнымъ: *вівця* (овца), *вівці* род. ед., *вівцю* вин. ед., *овець* род. им., но—*вівцю* твор. ед., *церква* (изъ *църкъв-а*). Въ положеніи предъ нѣкогда „смягченнымъ“ губнымъ также находимъ ц „мягкое“: *цвѣт*.

Для ц передъ и трудно подыскать примѣръ, такъ какъ оно получалось въ своихъ, словянскихъ словахъ лишь въ окончаніяхъ, а окончанія эти вытѣснены другими въ силу аналогіи; такъ старая ф. дат. п. ед. ч. ж. р. *овци* замѣнилась формой *овитъ*, откуда—*вівці*; вм. *нци* повел. накл. явилось *нечі* и т. д.

Вопреки общему закону сохраненія мягкаго ц имѣемъ твердое ц не передъ и, е въ словахъ; *цукр* (сахаръ), *цап* (козелъ), *цапати*, *цуцик* (щенокъ), *цур* (прочь)—*цуратися*, *цурки*. Нужно, однако, имѣть въ виду, что слово *цукр*—сравнительно позднее заимствованіе изъ нѣмецкаго; *цап* встрѣчается лишь въ нѣкоторыхъ словянскихъ языкахъ и то діалектически; по мнѣнію Бернекера Etym. W., 120 с., слово это взято изъ мадярскаго или румынскаго; *цапати* и сходныя слова другихъ слов. языковъ въ основѣ своей—звукоподражательныя. Не старое слово и *цуцик*: въ основѣ его зовъ: *цу-цу* (неправильно о немъ—у Смалъ-Стоцкаго Gr. 109 с.). Слово *цур*, отъ котораго образовано *цуратися*, является междометіемъ, а слѣдовательно также не идетъ въ счетъ. Что касается слова *цурки*, то оно параллельно русскому *цурки* (ср. *чурбанъ*, *чуръ*=граница, *вычуры*, *вычурный*) и, вѣроятно, обязано своимъ ц вм. ч или междометію *цур*, или слову *цѣркати*, которое по происхожденію—звукоподражаніе (ср. русское *чиркъ*, *чиркнути*).

Слитное с' мягкое (цѣ), которое на письмѣ выражается буквами *тис* въ формахъ 3 л. ед. ч. наст. вр. (*учитися* и т. п.), отличается отъ мягкаго с' (цѣ напр. въ *цѣлий*) тѣмъ, что въ первомъ т' образуется дальше впереди, чѣмъ затворный элементъ звука ц во второмъ (Брокъ, Очеркъ § 64).

Конечное ц произносится твердо (*отец*, *місец*) въ нѣкоторыхъ галицкихъ и гуцульскихъ говорахъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣвернаго нарѣчія (Вольнской, Минской и Гродненской губ.).

§ 58. Согласный ж, какъ мы видѣли, можетъ быть въ прарусскомъ и въ украинскомъ различнаго происхожденія; онъ получился:

1) уже въ прасловянскомъ изъ сочетанія *zj*, напр. въ * *ližq*—укр. *лижу* (*лизати*) 1 л. ед. ч. наст. вр.; 2) далѣе изъ *gj* и изъ *g* передъ палатальнымъ гласнымъ, напр. въ * *bože*—укр. *боже* (*бог*); 3) наконецъ, въ прарусскомъ *ž* является на мѣстѣ первоначальнаго сочетанія *dj*, напр. въ * *m'ēja* изъ * *med-ja* (др.-ц.-сл. *мѣжда*).

По поводу послѣдняго случая нужно указать, что въ украинскомъ рядомъ съ такими примѣрами, гдѣ на мѣстѣ *dj* находимъ *ž*,—*межа*, *одежа*, *ржа* (изъ * *гѣd-ja*,—ср. *рудий*), *чужий* (др.-ц.-сл. *штоужьдъ*),—имѣются примѣры съ *дж*=*dj*: *саджа*, *виджу*, *суджений* и т. п. Не можетъ быть однако сомнѣнія въ томъ, что это *дж*—вторичнаго происхожденія: старыя формы *вижу*, *сужений* измѣнились въ *виджу*, *суджений* подъ вліяніемъ *видѣти*, *судити* и другихъ формъ съ *d* отъ тѣхъ же глаголовъ; такъ же *саджа* явилось вм. *саж*а подъ вліяніемъ *саджати*, а это—изъ *сажати* подъ вліяніемъ *садити*. Въ тѣхъ же примѣрахъ, гдѣ такое вліяніе иныхъ формъ того же корня не могло имѣть мѣста, мы не находимъ *дж* вм. *ж* (*межа*, *ржа*, *чужий*, *одежа*). Иного происхожденія *дж* начальное—въ такихъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ *джерело* (источникъ), гдѣ оно представляетъ параллельъ начальному *дз* въ *дзвін*=*звін* (звон); *дзвонити*=звонити, *дзеркало*=зеркало. Здѣсь *дж*, какъ и *дз*, имѣлось сперва, вѣроятно, въ особыхъ специальныхъ условіяхъ.

По Шахматову (Очеркъ, 124 с.), *джерело* отвлечено изъ сочетанія *иж-джерела*, гдѣ *ждж* получилось изъ *z+g* предъ мягкимъ гласнымъ: * *iz-gerla* > * *iz-džerla* > * *iž-džerla*; ср. ниже, § 59. Также старое *dz*, по Шахматову (*ibid.* 122 с.), сохранилось въ сочетаніи *zdz*,—напримѣръ, въ выраженіи: *iz-džvèzdy*; отсюда отвлечено было *džvèzda*, чередовавшееся съ *zvèzda*; по аналогіи этого чередованія могло получиться *džvонъ* при *zvонъ* и т. п.

§ 59. Первоначальныя группы *stj*, *skj* и *sk* передъ палатальнымъ гласнымъ дали въ прасловянскомъ смягченную группу *šč* (шч); соответствующая звонкая группа *ždž* получалась изъ *zdj*, *zgj* и *zg* передъ палатальнымъ гласнымъ. Обѣ группы—*šč*, *ždž* были смягченными еще и въ прарусскомъ языкѣ: въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ до сихъ поръ группы эти отражаются, какъ двойное мягкое *шш* и *жж*.

Въ украинскомъ, однако, группы *шч* и *ждж* отвердѣли: *плѣщу* (щ=шч) изъ * *plesk-jō*,—ср. *плескати*, *пищалька* изъ * *piskěl-ька*,—ср. *пискля*, *пѣщу* изъ * *pust-jō* (пустити), *тѣща* изъ * *těst-ja*,—ср. *тестъ*, *їжджу* изъ * *ězd-jō*,—ср. *їздити*, діалектическое *ріжджа* (=др.-ц.-сл. *рождни-є*) изъ * *rozg-ьje*,—ср. в.-р. *роза*.

Діалектическому *ріжджа* соответствуетъ литературное *ріще*, которое должно сопоставить съ *різка* изъ * *rozька* и выводить изъ * *rozьk-ьje*, откуда *гозьєje*,

rōžčje, rōšče, rišče = ріще: очевидно, подь вліяніємъ именъ ж. р. съ суффиксомъ — *ж-а* очень рано при старомъ *rozga* явилось *rozьka*.

§ 60. Однимъ изъ многочисленныхъ слѣдствій выпаденія внутри слова редуцированныхъ гласныхъ является образование въ украинскомъ языкѣ двойныхъ смягченныхъ согласныхъ: именно въ группахъ «согласный + редуцированное *i + j*» по выпаденіи *i* редуцированного явилось новое сочетаніе „согласный + *j*“, въ которомъ затѣмъ согласный подь вліяніємъ *j* смягчился, а само *j* уподобилось предыдущему „смягченному“ согласному. Такъ получилось: *зілля* изъ **zeli-je*, *життя* изъ **žit-ijé*, *суддя* изъ **sudija*, *каміння* изъ **kamenije*, *лє* изъ **lije* (3 л. ед. наст. вр.), *волосся* изъ **volosije* и т. п. Должно сдѣлать нѣсколько оговорокъ: 1) не удваиваются въ такихъ случаяхъ губные согласные и *p*: *пір'я* (ср. выше, § 54), *кров'ю*, *матір'ю*, *н'ють*; 2) не удваивается согласный, если ему предшествуетъ согласный: *щастя* (сѣ^ш*častije*), *смерт'ю*; 3) двойной шипящій отвердѣваетъ: *піччу* изъ **pečiju*, хотя діалектически мягкость его сохраняется,—быть можетъ подь вліяніємъ аналогій съ другими параллельными случаями—съ инымъ двойнымъ мягкимъ согласнымъ: *ніччу*, *роскішчу*; 3) въ нѣкоторыхъ говорахъ является не двойной, а просто смягченный согласный, а также вмѣсто конечнаго *a* (*я*) возможно *e* (*є*): *житє*, *камінє*, *зілє*, *весілє*, *судя*, *свиня* и т. п. Возможно, что послѣдняго рода явленія—вторичны, т. е. представляютъ упрощеніе двойного „смягченного“ согласнаго.

Здѣсь же слѣдуетъ подчеркнуть, что группа *st, zd*, получившаяся передъ *j* вслѣдствіе исчезновенія редуцированного *i*, остается безъ измѣненія,—не измѣняется, какъ измѣнялась такая группа въ прасловянскомъ: *щастя* (ср. выше), *вїздя*.

§ 61. Въ началѣ слова 1) передъ гласнымъ *u* (*y*) и 2) передъ *i* изъ *ō* въ украинскомъ развился новый неслоговой *ц*, который затѣмъ далъ согласный *v* (*в*). Первоначально развитіе этого *ц* имѣло мѣсто, нужно думать, въ тѣсномъ сочетаніи словъ послѣ гласнаго конечнаго предыдущаго слова; то обстоятельство, что этого *v = ц* не находимъ передъ *o* (*овес*, *огонь* и т. п.), но имѣемъ передъ *i* изъ *ō*, лишній разъ доказываетъ, что *ō* перешло въ *i* черезъ посредство ряда дифтонговъ съ *u* (*y*) въ первой части; слѣдовательно, *ц* развивалось не передъ *ō*, а передъ *yo* изъ *ō*.

Примѣры: 1) вузол, вўса, вугол, вулиця, вуголь, вуж; 2) вівця, він, (орел—р. п.) вірла, (отець—род. п.) вітця, від (=отъ), вільха, вікно.

Подъ вліяніемъ формы *він* явилось в и въ формахъ *вонá*, *вонó*, *воні*.

Передъ гласнымъ начальнымъ о развивался въ какихъ то условіяхъ гортанный г: ср. *горіх* (орѣхъ), *юстрий* (острый).

§ 62. Конечные звонкіе согласные имѣютъ различную судьбу въ отдѣльныхъ группахъ говоровъ: въ однихъ сохраняютъ свою звонкость, въ другихъ переходятъ въ глухіе, ср. по этому поводу выше,—въ § 10. Слѣдуетъ при этомъ помнить, что согласные первоначально въ украинскомъ не могли быть конечными: всѣ слова оканчивались на какой нибудь гласный, въ томъ числѣ на ъ или ь, такъ какъ конечные согласные отпали еще въ прасловянскомъ языкѣ. Слѣдовательно, діалектическая потеря звонкости конечными согласными есть результатъ исчезновенія конечныхъ ъ, ь.

§ 63. Такъ же, какъ отпаденіе конечныхъ ъ, ь,—влекло за собой рядъ измѣненій согласныхъ выпаденіе ъ и ь внутри слова. Эти измѣненія состоятъ болѣею частью или во взаимномъ уподобленіи согласныхъ, оказавшихся рядомъ послѣ выпаденія раздѣлявшаго ихъ ъ или ь, или же въ упрощеніи образовавшейся группы согласныхъ.

Обычно предыдущій согласный уподобляется послѣдующему,—звонкій глухому; такъ *дѣхорь* даетъ *тхір* (і изъ о); *дѣхнѣти*—*тхнѣти*, *лѣгшій*—*лѣхшій*; наоборотъ, глухой уподобляется звонкому: *кѣде*—*иде*, *сѣдоровъ*—*здоровъ*. При этомъ переходъ звонкаго въ глухой передъ глухимъ извѣстенъ не всѣмъ говорамъ: въ сѣверныхъ говорахъ и въ части южныхъ звонкій согласный передъ глухимъ сохраняется, какъ звонкій.

Въ словѣ *пчѣла* изъ *бѣчѣла* находимъ обычное уподобленіе звонкаго слѣдующему глухому; но рядомъ имѣется и *бѣжѣла* съ обратнымъ уподобленіемъ глухого ч предыдущему звонкому: этотъ вариантъ слова могъ развиваться въ сочетаніяхъ вродѣ *з-бѣчѣль* (изъ пчелъ), гдѣ звонкость з (=изъ) поддерживалась аналогіей съ другими случаями (*з-дупла* и т. п.).

Въ словѣ *різдво* изъ *рѣж(ь)ство* сочетаніе *ст* измѣнилось въ соотвѣтствующее звонкое *зд* между двумя звонкими: ж и в.

Уподобленіе согласнаго сосѣдному можетъ быть полнымъ; такъ, въ формѣ 2 л. ед. ч. вродѣ *несешся* согласный ш измѣнился въ s': *neses's'a*, сочетаніе *з-жури* произносится, какъ *жс-жури*.

Упрощеніе группы согласныхъ, образовавшейся послѣ выпаденія ъ или ь, имѣемъ, напримѣръ, въ *пѣснѣ*—изъ пост(ь)ный, *тижня* род. п. отъ *тижѣнь*—изъ тижѣ(ь)ня, *руський*—изъ рус(ь)скый, *серце*—изъ

сѣрд(ь)це, *шісдесять*—изъ шест(ь)десять, *першій*—изъ пѣрв(ь)шій, *галицькій*—изъ галич(ь)скій (чск > цк), *товариство*—изъ товариш(ь)ство, *ткацтво*—изъ ткач(ь)ство, *богаство*—изъ богат(ь)ство, *сердешний*—изъ сѣрдьч(ь)ный (чн > шн), *рушник*—изъ руч(ь)никъ и т. п.

Въ нѣкоторыхъ, болѣе рѣдкихъ, правда, случаяхъ выпаденіе ь или ь влекло за собой не упрощеніе группы согласныхъ, а наоборотъ, появленіе новаго согласнаго: *сѣрѣтити* дало *сѣрѣтити*, *засѣростъ* (ср. *зѣрѣти*) дало *засѣрѣсти*; здѣсь зубной затворъ глухой (т) или звонкій (д) самъ собою образуется при переходѣ отъ зубнаго суженія (с, з) къ слѣдующему р.

§ 64. Сдѣланный выше обзоръ измѣненій, которыя произошли въ украинскомъ языкѣ послѣ его выдѣленія изъ прарусскаго, можно резюмировать въ слѣдующихъ пунктахъ.

I. *Общеукраинскія измѣненія*: 1) измѣненіе носовыхъ ы, а въ чистые ы, я (у, а), причемъ возможно, что измѣненіе это произошло уже въ прарусскую эпоху (ср. § 31); 2) исчезновеніе и переходъ въ о, е редуцированныхъ ъ, ѣ, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій (§ 31); 3) измѣненіе сочетаній ѣр, ѣр, ѣл, ѣл въ ѣръ, ѣръ, ѣль, ѣль въ извѣстныхъ условіяхъ (§ 33); 4) измѣненіе сочетаній рѣ, лѣ, рѣ въ открытомъ слогѣ въ слоговые р, л (§ 34) и сочетаній мѣ, нѣ, мѣ, нѣ въ слоговые м, н (§ 35); 5) образованіе въ извѣстныхъ условіяхъ у слогового изъ сочетаній вѣ, вѣ (§ 36); 6) измѣненіе ѣ, ѣ передъ ј въ редуцированные ы, и (§ 37); 7) измѣненіе гласныхъ и, у въ извѣстныхъ условіяхъ въ неслоговые (§ 40); 8) измѣненіе е въ ѣ и ѣ въ ѣ передъ твердымъ согласнымъ (§ 42, 43); 9) удлиненіе о, е въ извѣстныхъ условіяхъ и образованіе дифтонговъ (§ 44, 45); 10) измѣненіе е въ ѣ, откуда а послѣ двойнаго смягченнаго согласнаго (§ 46); 11) исчезновеніе і (ј) между гласными и стяженіе гласныхъ (§ 48); 12) общее отвердѣніе согласныхъ передъ гласными и, е (§ 51); 13) отвердѣніе губныхъ (§ 52); 14) измѣненіе взрывнаго г въ гортанный фрикативный h (§ 53); 15) измѣненіе л въ ѣ (ѣ) въ концѣ слога (§ 56); 16) развитіе ѣ (неслогового ѣ) передъ начальнымъ ѣ (§ 61); 17) различныя упрощенія группъ согласныхъ (§ 63).

II. *Діалектическія измѣненія*: 1) измѣненіе новыхъ слоговыхъ р, л изъ сочетаній рѣ, лѣ, рѣ, лѣ въ ри, ли въ однихъ говорахъ, въ ир, ил—въ другихъ (§ 34); 2) совпаденіе въ большей части говоровъ ы съ и (§ 38); 3) измѣненіе въ большей части говоровъ іе (=ѣ) въ і (§ 39); 4) измѣненіе въ большей части говоровъ дифтонговъ, получившихся изъ ѣ, ѣ,—въ і (§ 43, 44); 5) измѣненіе въ большей части говоровъ сочетаній кы, хы, гы въ ки, хи, ги (§ 53); 6) отвердѣніе въ большей части говоровъ согласныхъ шипящихъ (§ 57); 7) отвердѣніе въ болѣ-

шей части говорювъ согласнаго р (§ 54); 8) измѣненіе въ части говорювъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе въ концѣ слова и внутри слова передъ глухими согласными (§ 62).

Возможно, что къ числу общеукраинскихъ измѣненій въ звукахъ относится образованіе двойныхъ „мягкихъ“ согласныхъ, а къ числу діалектическихъ ихъ упрощеніе въ простые мягкіе согласные (ср. § 60).

§ 65. Отъ чисто звуковыхъ измѣненій слѣдуетъ строго отличать такія измѣненія въ звуковой сторонѣ слова, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи, т. е. вліянію психологическаго фактора.

Нѣкоторыя изъ такихъ явленій были уже отмѣчены выше. Такъ, подъ вліяніемъ *учѣти*—*научѣти* (§ 40), подъ вліяніемъ *крилець* и т. п.—*лець* (§ 40); подъ вліяніемъ *кінця* род п.—кінєць (§ 45); подъ вліяніемъ *тѣря*—*тѣрь*, откуда—*торг* (вм. *тѣрьгъ*—*торог) (§ 33); подъ вліяніемъ *чешу* 1 л. ед. ч. наст. вр.—*чесати* (§ 42); подъ вліяніемъ *носу* и т. п. (род. п.)—*моду* вм. *леду* и подъ вліяніемъ *сон* (*сна*) *льон*—(*льна*)—вм. *лен* (§ 43); подъ вліяніемъ *кров*—*крававий* вм. *кривавий*; подъ вліяніемъ *блѣхи*, *слѣзи*—*блѣхъ*, *слєзъ* вм. *блѣха*, *слѣза* (§ 34); *порі*, *ворі*—подъ вліяніемъ *віз*, *ніс*, и т. п. (§ 44); суффиксъ—*ський* подъ вліяніемъ *-енький* и т. п. (§ 55); *вона* подъ вліяніемъ *він* (§ 61) и т. д. Къ отмѣченнымъ попутно при разсмотрѣніи различныхъ вопросовъ исторической фонетики примѣрамъ можно было бы безъ труда прибавить рядъ другихъ. Такъ, старая форма **greb-ti* infin. еще въ праславянскомъ дала **greti* вслѣдствіе упрощенія группы *bt* въ *t*: ср. др.-ц.-сл. *грѣти*; однако, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, формъ наст. вр. *гребу*—*гребеш* и т. д., а съ другой стороны подъ вліяніемъ формъ инфинитива *плести*, *вести*, *нести* и т. п. явилась форма *гребсти*; подъ вліяніемъ тѣхъ же формъ *плести* и т. п. явилось *клясти* вм. *кляти* (др.-ц.-сл. *клати*); подъ вліяніемъ формъ наст. вр. *пеку*, *могу* явилось *пекти*, *моти* вм. *печи*, *мочи*; подъ вліяніемъ *можеш*, *може*, *можемо* и т. д.—*можу* вм. *могу*; подъ вліяніемъ *з ним*, гдѣ и относилось первоначально къ предлогу **съп*—(*іть*),—*від него*, *до неї* и т. п.

5. Количество и удареніе.

§ 66. Сравненіе словянскихъ языковъ приводитъ къ выводу, что въ праславянскомъ языкѣ удареніе не было связано съ какимъ либо опредѣленнымъ слогомъ слова, было—*свободнымъ*.

Въ то же время гласные въ праславянскомъ языкѣ различались по количеству: были долгими или краткими, причемъ въ долгихъ словахъ могла имѣть мѣсто различная интонація.

Нѣкоторые словянскіе языки, какъ напримѣръ сербскій, словинскій, до сихъ поръ сохранили не только различіе долготы и краткости, но и различіе интонаціи: въ сербскомъ штокавскомъ, напримѣръ, находимъ два долгихъ и два краткихъ ударенія.

Эти три черты: 1) разномѣстное удареніе, 2) различіе долготы и краткости и 3) различіе интонаціи долженъ былъ получить въ наследство отъ прасловянскаго прарусскій языкъ. Но во всѣхъ трехъ восточныхъ, т. е. русскихъ, языкахъ потеряно какъ старое различіе долготы и краткости, такъ и различіе интонацій.

Какъ мы видѣли выше, въ извѣстныхъ условіяхъ въ украинскомъ появилась новая долгота, но и она не удержалась: новые долгіе о, е, измѣнились въ дифтонги и затѣмъ въ большей части говоровъ въ монофтонги, ничѣмъ не отличающіеся въ количественномъ отношеніи отъ остальныхъ гласныхъ.

Такимъ образомъ, украинскій языкъ, какъ и в.-р. и б.-р. языки, сохранилъ до настоящаго времени одну лишь исконную прарусскую и прасловянскую черту,—свободное т. е. разномѣстное удареніе.

Мѣсто ударенія въ словѣ въ украинскомъ, какъ и въ в.-р. и б.-русскомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ старое. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ произошли измѣненія: такъ въ им. мн. *бабі*, *корові* и т. п. удареніе окончанія явилось вм. стараго ударенія корня: ср. сербское чакавское *bàbi*, *kràvi* и в.-р. *ба́бы*, *коро́вы*. Такого рода измѣненія въ отдѣльныхъ случаяхъ найдемъ и въ в.-русскомъ. Различія въ мѣстѣ ударенія, наблюдаемые въ подобныхъ случаяхъ между украинскимъ и велико-русскимъ, немногочисленны и не имѣютъ принципиальнаго характера. Часто при этомъ отступленія украинскаго отъ великорусскаго характеризуютъ лишь часть говоровъ и литературный украинскій языкъ, но не всю совокупность украинскихъ говоровъ. Такъ, въ Галиціи слышится *коро́ви* (им. мн.), *ла́вки*, *ха́ти*, а не *корові*, *лавки*, *хати*.

Ср. Lehr, R. Sl. VII, 84 и сл. То, что въ современномъ украинскомъ произношеніи можетъ быть отмѣчено въ отношеніи количества или интонаціи, не имѣетъ ничего общаго съ различіемъ долготы и краткости и различіемъ интонацій, полученными отдѣльными словянскими языками въ наследство отъ прасловянскаго: по Броку, ударяемый слогъ въ украинскомъ, какъ и въ великорусскомъ, произносится съ нѣкоторымъ удлиненіемъ сравнительно съ неударяемымъ; въ то же время главноударяемый слогъ сопровождается болѣе высокимъ тономъ,—обыкновенно легко возвышающимся или же приблизительно ровнымъ“ (Очеркъ, § 228, 248).

III. Морфологія.

1. Склоненіє именъ существительныхъ.

§ 67. Общая картина склоненія именъ существительныхъ въ прарусскомъ языкѣ, какъ ее можно себѣ представлять на основаніи сравненія великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго, ничѣмъ не отличается отъ той, какая рисуется намъ по отношенію къ прасловянскому. Въ именахъ существительныхъ имѣлось различіе 3 родовъ,—мужскаго, женскаго и средняго,—трехъ чиселъ,—единственнаго, множественнаго и двойственнаго, и 7 падежныхъ формъ,—именительнаго, родительнаго, дательнаго, винительнаго, творительнаго, мѣстнаго и звательнаго падежей.

Собственно, звательная форма не подходитъ подъ понятіе падежа, какъ форма обращенія, но стоитъ въ одномъ ряду съ формами падежей.

Различіе окончаній по падежамъ было связано въ прарусскомъ не съ различіемъ рода, которому принадлежало существительное, а съ различіемъ основы существительнаго, какъ и въ прасловянскомъ, а эта черта именного склоненія была унаслѣдована прасловянскимъ еще изъ праиндоевропейскаго.

Въ частностяхъ однако прарусское именное склоненіе отличалось отъ прасловянскаго;—имѣемъ въ виду отличія въ нѣкоторыхъ падежныхъ окончаніяхъ.

Такъ, форма твор. п. ед. ч. именъ муж. рода типа *носъ*—*носа* оканчивалась въ прарусскомъ, повидимому, на—*змь*: *носзмь*, тогда какъ въ прасловянскомъ здѣсь было окончаніе—*омь*. Форма вин. п. мн. ч. именъ типа *конь*—*коня* оканчивалась въ прарусскомъ на—*п*: *конп*, тогда какъ нѣкоторые другіе словянскіе языки указываютъ здѣсь на окончаніе *е* (*е* носовое). Въ иныхъ случаяхъ имѣлись между прарусскимъ и прасловянскимъ различія въ падежныхъ окончаніяхъ, объясняющіяся чисто звуковыми измѣненіями: такъ, праслов. окончаніе вин. п. ед. ч. именъ типа *вода*—*о* (*о* носовое) измѣнилось въ прарусскомъ, какъ и всюду,—и въ корняхъ словъ,—въ *ц* (*у* носовое) или даже въ чистое *и* (*у*),—ср. § 30.

Процессъ измѣненія прарусскаго именного склоненія въ украинскомъ, великорусскомъ и бѣлорусскомъ сходенъ въ общемъ съ тѣмъ процессомъ, который пережило унаслѣдованное изъ прасловянскаго именное склоненіе въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ. Процессъ этотъ заключался въ слѣдующемъ. Склоненія именъ существительныхъ одного и того же рода, но разныхъ основъ сближались между собою,

взаимно вліяя одно на другое; первоначальныя различія между отдѣльными типами склоненія постепенно стирались, и нѣсколько типовъ склоненія или сливались совершенно въ одинъ общій типъ, или же, не теряя вполне своей обособленности, получали рядъ общихъ окончаній. Процессъ этотъ, слѣдовательно, можно охарактеризовать, какъ процессъ упрощенія, причемъ видная роль въ немъ принадлежала родовому принципу.

Подробнѣе мы ознакомимся съ этимъ процессомъ при разсмотрѣніи украинскаго именного склоненія.

Склоненіе именъ мужского рода.

§ 68. Прарусскій языкъ долженъ былъ получить изъ праславянскаго нѣсколько типовъ склоненія именъ муж. рода: 1) склоненіе именъ съ основой на -о, -jo (прарусс. bogъ, koňъ); 2) склоненіе именъ съ основой на -и (synъ); 3) склоненіе именъ съ основой на -i (gostъ) и 4) склоненіе именъ съ основой на согласный (kamy). Древнѣйшій видъ этихъ склоненій по отношенію къ прарусскому, можно думать, былъ таковъ.

— о, — jo — основы — и — основы — i — основы основы на согласный.

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Ед. ч.</i>	<i>Ед. ч.</i>	<i>Ед. ч.</i>
Им.	bogъ, koňъ	synъ	gostъ	kamy (камень)
Род.	boga, koňa	synu	gosti	kamene
Дат.	bogu, koňu	synovi	gosti	kameni
Вин.	= им. или род.	synъ	gostъ	камень
Тв.	bogъмъ, koňъмъ	synъмъ	gostъмъ	каменьмъ
Мѣст.	božě, koňi	synu	gosti	kamene
Зв. ф.	bože, koňu	synu	gosti	—

	<i>Множ. ч.</i>	<i>Множ. ч.</i>	<i>Множ. ч.</i>	<i>Множ. ч.</i>
Им.-зв.	bozi, koňi	synove	gosti	kamene
Род.	bogъ, koňъ	synovъ	gostъjъ	камень
Дат.	bogomъ, koňemъ	synъмъ	gostъмъ	каменьмъ
Вин.	bogu, koňě	syny	gosti	kameni
Твор.	bogu, koňi	synъmi	gostъmi	каменьmi
Мѣстн.	božěchъ, koňichъ	synъchъ	gostъchъ	каменьchъ

	<i>Дв. ч.</i>	<i>Дв. ч.</i>	<i>Дв. ч.</i>	<i>Дв. ч.</i>
Им.-В.-Зв.	boga, koň'a	syny	gosti	kameni
Род.-Мѣст.	bogu, koň'u	synovu	gostъju	каменьju
Дат.-Твор.	bogoma, koňema	synъma	gostъma	каменьma

Въ именахъ типа *gostь* и типа *kaмy* явилась затѣмъ въ прарусскую эпоху мягкость согласнаго передъ палатальными гласными *e, i, ъ*.

Трудно сказать, насколько сохранилось въ прарусскомъ языкѣ склоненіе основъ на—и (*synъ*), какъ особое склоненіе. Дѣло въ томъ, что склоненіе это очень рано утрачено было во всѣхъ словянскихъ языкахъ; въ др.—п.—слов. памятникахъ XI вѣка уже нельзя провести строгой границы между склоненіемъ основъ на—о (*богъ*) и склоненіемъ именъ съ основой на—и (*сынъ*),—эти послѣднія рядомъ со старыми формами имѣютъ новыя—съ окончаніями основъ на—о; съ другой стороны, основы на—о имѣютъ формы съ окончаніями основъ на—и. То же самое находимъ въ древне—русскихъ памятникахъ. Поэтому возможно, что уже въ прарусскомъ склоненія эти (*богъ* и *synъ*) смѣшивались, не были строго разграничены, что употреблялась форма род. п. *богу* рядомъ со старой *бога* и *syna* рядомъ со старой *synu*.

Во всякомъ случаѣ уже для прарусскаго должно предполагать полное вытѣсненіе окончанія—омъ (—омъ) въ твор. п. ед. ч. именъ типа *уѣлкъ* окончаніемъ—ѣмъ (ѣмъ): форма *богѣмъ* вм. старой *богомъ*.

На это указываютъ какъ факты др. русскихъ памятниковъ, такъ и данныя украинскаго языка (ср. ниже). Точно также можно думать, что вмѣсто старой формы *копѣмъ* въ твор. ед. ч. уже въ прарусскомъ явилась форма *копѣмъ*.

Въ вин. мн. ч. именъ типа *копѣ* мы можемъ увѣренно предполагать для прарусскаго окончаніе—ѣ (*ѣ*), на которое указываютъ и западно-словянскіе языки, въ то время какъ южно-словянскіе указываютъ на окончаніе—е (*е* носовое).

Форма им. п. ед. ч. *каму*, если не въ прарусскомъ уже, то очень рано во всѣхъ трехъ русскихъ языкахъ была вытѣснена формой вин. надежа *камень*.

Въ дат. и твор. мн. ч. именъ съ основой на согласный можно предполагать по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ именъ образованіе, отличное отъ формы типа *камень*: отъ *pol'ane* (им. мн.)—*pol'amъ*, отъ *sodoml'ane*—*sodoml'amъ* (ср. *содомямъ* въ Арханг. Ев.), твор. *pol'ami*, *sodoml'ami*.

§ 69. Въ соотвѣтствіи четыремъ прарусскимъ типамъ склоненія именъ муж. рода въ украинскомъ находимъ одинъ общій типъ мужескаго склоненія съ двумя разновидностями,—твердой и мягкой.

При этомъ формы двойств. числа украинскимъ потеряны вообще, во всемъ склоненіи, какъ и въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ, какъ и въ большинствѣ словянскихъ языковъ.

Такимъ образомъ, въ украинскомъ имѣемъ:

	Ед. ч.		Множ. ч.	
Им.	бог (біг, ср. § 45)	швець	боги	шевці
Род.	бога	шевця	богів	шевців
Дат.	богу, богови	шевцѣви	богам	шевцям
Вин.	бога	шевця	богів	шевців
Тв.	богом	шевцѣм	богами	шевцями
Мѣст.	бозі	шевці	богах	шевцях
Зв.	боже	шевче	= им.	= им.

Обычно удареніе не обозначается, если мѣсто его въ формѣ совпадаетъ съ в.-русскимъ; обозначается въ случаяхъ, гдѣ можетъ возникнуть сомнѣніе.

§ 70. Прежде, чѣмъ дать историческое освѣщеніе приведенной схемѣ склоненія, должно сдѣлать нѣсколько фактическихъ указаній.

Такъ, какъ имя *бог*, склоняются всѣ имена м. р. съ основой на —о и —ц, —съ твердымъ согласнымъ въ исходѣ: *воріг*—*ворога*, *вугол*—*вугла*, *син*—*сина*, *осѣл*—*осла*, *вітер*—*вітра*, *гріб*—*гроба*, *мід*—*мѣду*, *дяк*—*дяка*, *ученик*—*ученика*, *верх*—*верха*, *знак*—*знаку* и т. п. Такъ, какъ *швець*, склоняются имена съ мягкимъ согласнымъ въ исходѣ—прежнія основы на —jo и на —і: *учитель*—*учителя*, *край*—*краю*, *огонь*—*огню*, *день*—*дня*, *кінь*—*коня*, *отець*—*вітця* и т. п.

2) Имена съ основой на —jo съ согласными шипящими ж, ч, ш въ исходѣ вслѣдствіе отвердѣнія шипящихъ представляютъ твердый исходъ, но склоняются, какъ мягкая разновидность: *ніж*, *ножа*, *ножеви*, *ніж* (вин. ед.), *ножемъ*, тогда какъ въ твердой разновидности имѣемъ въ дат. ед.—*ови*, а въ твор.—*ом*.

3) Имена со старой основой на —і и губнымъ согласнымъ въ исходѣ, съ отвердѣніемъ губного, перешли въ склоненіе твердой разновидности: *голуб*, *голуба*, *голубови*, *голубом* твор. ед.

4) Имена со старой основой на —jo и согласнымъ р въ исходѣ относятся къ мягкой разновидности склоненія, хотя р отвердѣлъ (ср. § 54): *цісар*, *цісаря*, *цісареви*, *цісарем* твор. ед.

5) Какъ имена м. р. твердой разновидности, склоняются имена собственныя съ окончаніемъ среднего рода—о въ имен. п., какъ *Петро* (*Петра*, *Петрови* и т. д.).

Петро вм. *Петръ* явилось (какъ и *Павло* и т. п.) подъ вліяніемъ *Грицько*, *Левко*, *Хвалько* и т. п., а имена на —ко, —уменьшительныя, первоначально были именами среднего рода.